

Министерство образования и науки Российской Федерации

УДК 141.3; 101.8

ГРНТИ 02.41.11, 02.41.21

Инв. №

УТВЕРЖДЕНО:

Исполнитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Уральский
федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н.Ельцина»

От имени Руководителя организации

_____/Иванов А.О./

М.П.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

о выполнении 3 этапа Государственного контракта

№ П854 от 18 августа 2009 г. и Дополнению от 29 октября 2009 г. № 1/П854,
Дополнению от 05 апреля 2010 г. № 2/П854, Дополнению от 28 июля 2010 г. № 3,
Дополнению от 05 марта 2011 г. № 4, Дополнению от 29 июня 2011 г. № 5

Исполнитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Программа (мероприятие): Федеральная целевая программа «Научные и научно-
педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации
мероприятия № 1.3.1 Проведение научных исследований молодыми учеными -
кандидатами наук.

Проект: Концепция дифференциальной социальности

Руководитель проекта:

_____/Красавин И.В.

(подпись)

Екатеринбург
2011 г.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
по Государственному контракту П854 от 18 августа 2009 на выполнение поисковых
научно-исследовательских работ для государственных нужд

Организация-Исполнитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Руководитель темы и
исполнитель проекта:

кандидат философских
наук, без ученого звания

_____ Красавин И. В.
12.09.2011

Реферат

Отчет 71 с., 4 ч., 0 рис., 0 табл., 28 источн., 0 прил.

Дифференциальная социальность , множественность , различие , гетерархия , конструирование , гетерогенность.

В отчете представлены результаты исследований, выполненных по 3 этапу Государственного контракта № П854 "Концепция дифференциальной социальности" (шифр "НК-234П") от 18 августа 2009 по направлению "Философские науки, социологические науки и культурология" в рамках мероприятия 1.3.1 "Проведение научных исследований молодыми учеными - кандидатами наук.", мероприятия 1.3 "Проведение научных исследований молодыми учеными - кандидатами наук и целевыми аспирантами в научно-образовательных центрах" , направления 1 "Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий." федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы.

Цель работы - Разработка концепции дифференциальной социальности.

Анализ моделей конструирования социальности;

Анализ динамики образования сообщества;

Определение способа формализации социальных отношений.

Интегративные методы; системно-структурный подход; системный подход.

Характеризуются типы социального взаимодействия;

Описываются условия, приводящие к формированию сообщества как социального целого;

Представляется модель управляемых социальных отношений.

**Отчёт по результатам выполнения НИР «Концепция дифференциальной
социальности», 3 этап**

Содержание

Введение.....	5
1. Аннотированная справка по научным результатам НИР, полученным на предыдущих этапах.....	6
2. Аналитический отчет о проведении теоретических исследований.....	12
3. Результаты теоретических исследований.....	18
3.1. Описание моделей структурирования социальности.....	18
3.2. Анализ динамики образования сообщества.....	44
3.3. Определение способа формализации социальных отношений.....	57
4. Публикация результатов НИР.....	69
Заключение.....	69
Список литературы.....	70

Введение

Задача исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления социальности как дифференцированной совокупности отношений и событий, путей самоопределения общества, которые предполагает эта модель, а также выявления возможностей конкретного анализа социальных процессов на ее основе.

Главными в этом отношении являются три взаимосвязанных вопроса. Первое, описание моделей структурирования социальности и характеристика типов структур социальных связей. Второе, проведение социально-философского, историко-философского, макросоциологического и макроэкономического анализа динамики образования сообщества и выявление форм связей, необходимых для образования сообщества. Третье, определение способа формализации социальных отношений и методологии описания формализованных социальных отношений.

В условиях, когда нормативные стандарты и иерархия ценностей теряют свои трансцендентальные основания и релятивизируются, возникает настоятельная необходимость в концептуализации постсовременной перспективы мирового сообщества.

По существу речь идет о том, что классическая рациональность с ее ограничительными познавательными рамками субъект-объектных отношений далеко не всегда способна охватить множественность проявлений бытия.

В этой связи возникает необходимость теоретического переосмысления господствующей метафизической традиции описания общества общественными дисциплинами, а также разработать метафизику, противоположную плюралистической вседозволенности и не предполагающей каких-либо форм фундаментализма. Отдать должное этой необходимости значит признать со-бытие философии и социальности, где бытие непосредственно является как бытие социального различия. Таким образом, будет дано теоретико-методологическое осмысление современной социальной реальности и обоснование концепции дифференциальной социальности.

Поэтому необходимо ввести новый категориальный аппарат и провести следующие изыскания:

- во-первых, описать модели структурирования социальности и охарактеризовать типы структур социальных связей;
- во-вторых, провести анализ динамики образования сообщества и выявить формы связей, необходимых для образования сообщества;
- в-третьих, определить способ формализации социальных отношений и методологию описания формализованных социальных отношений.

1. Аннотированная справка по научным результатам НИР, полученным на предыдущих этапах

На первом этапе выполнения проекта осуществлен социально-философский и философско-методологический анализ проблемы классической, неклассической и постклассической методологии обществознания.

Постановка этой проблемы рассматривается как условие развития современного обществознания, совершенствования стиля философского и научного мышления. В исследовании выясняется общественно-историческая обусловленность этой проблемы и выдвигается философско-методологическая программа ее решения. Эта программа конкретизируется в определении ряда теоретико-методологических средств, которые необходимы для решения актуальных вопросов, составляющих «ядро» проблемы. Главными в этом отношении являются четыре взаимосвязанных вопроса: 1) историко-сравнительный анализ различных оснований рассмотрения понятий классического, неклассического, постклассического; 2) анализ проблемы классического, неклассического и постклассического в отдельных социально-гуманитарных дисциплинах и ее косвенное выражение в их взаимосвязях; 3) определение необходимых изменений в онтологических и логико-гносеологических формах интерпретации различных направлений обществознания; 4) выбор и обоснование оптимального варианта направления исследования.

В ходе выполнения проекта были проанализирован парадигматический сдвиг от классического к постклассическому типу рациональности. Необходимость и актуальность этого парадигматического сдвига обоснованы в целом ряде работ, посвященных классической и современной философии (В. А. Лекторский, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Степин, В. С. Швырев и др.).

В современной западной философии парадигматический сдвиг в методологии научного познания обозначается как переход от классического к неклассическому идеалу рациональности. (А. Плотницки, Б. Смит, И. Стенгерс).

Переход от классического к постклассическому типу рациональности многие современные теоретики пытаются осмыслить на основе выделения тенденции перехода от модернизма к постмодернизму (З. Бауман, Дж. Ваттимо, Ю. Н. Давыдов, Ф. Джеймисон, Т. А. Клименкова, П. Козловски, В.А. Конев, Ж.-Ф. Лиотар, В.В. Малявин, С. Н. Некрасов, А.С. Панарин, М. К. Рыклин, А. Салмин, Ю. Хабермас, И. Хассан, А.К. Якимович и др.).

Были выделены модернистский и постмодернистский подходы к обществознанию в иностранной и отечественной литературе.

1. Постмодернистский тип: Ж.-Ф. Лиотар, Дж. Ваттимо, Р. Рорти и другие

представители радикального постмодернизма в своей оценке современной эпохи полагают, что необходимый сегодня тип философской рефлексии полярно противоположен новоевропейскому. Рационализм, гуманизм и историцистские конструкции, сопровождающиеся глобальными утопиями будущего, были характерны для философской рефлексии периода модерности.

2. Модернистский тип: Ю. Хабермас, А. Гидденс, Р. Бернстайн и другие авторы заявляют о том, что мозаичное сознание сосуществует сегодня с теми институциональными формами, которые унаследованы от модерности и лишь несколько модифицированы соответственно современной ситуации. Они полагают, что сегодня можно говорить о своеобразной кульминации нового времени – «высокой» модерности, когда стереотипы классической философской рефлексии не отбрасываются, а лишь подвергаются переосмыслению. Дискуссия о модерне и постмодерне позволяет выявить важные грани современной социокультурной ситуации и необходимого для ее осмысления типа обществознания.

Показана степень освоения классической, неклассической и постклассической методологий в отдельных социально-гуманитарных науках:

1. Социология (Зборовский Г. Е., Кравченко С. А., Ритцер Дж., Тощенко Ж. Т., Ядов В. А.).
2. Экономика (А. Смит, Дж. Арриги, Дж. М. Кейнс, Д. Белл, Ф. фон Хайек, Д. Норт, В.А. Иноземцев, Саймон Г., Калинин Э.Ю., Чиркова Е.А., Арефьева Г.С., Э.Ю. Калинин, Люскин М. Б.).
3. Психология (Асмолов А.Г., Гусельцева М.С., Мясоед П.А., Леонтьев Д. А., Ключко В.Е.).

Был сделан выбор и обоснован вариант направления исследований:

Проведенный анализ методологических сдвигов в обществознании и отдельных социально-гуманитарных дисциплинах показывает, что современное обществознание находится в процессе активного освоения параметров «постклассического» в методологии познания общества. Это означает преобразование логических оснований, совершенствование онтологических представлений, изменение эпистемологических принципов, что в совокупности образует теоретико-методологическую основу познавательного процесса. Следствием этого является постепенное осознание востребованности «синтетических» моделей познания, методологически обогащенных социально-историческим содержанием и принципами социально-философского обоснования методологии обществознания. Выявляется необходимость представления различных типов методологии обществознания в зависимости от масштабов бытия самого

общества, выступающих в качестве характеристик специфического способа бытия социальных связей между людьми. Классическое обществознание обрекает себя на интерпретацию общественной жизни по аналогии с природой и для этой цели заимствует естественнонаучные методы познания. Неклассический тип обществознания характеризуется методологическим дуализмом, то есть методологическим разграничением естествознания («наук о природе») и обществознания («наук о духе»), а в рамках обществознания – противопоставление и связь социальных и гуманитарных наук. Постклассический тип отходит от идеала самодостаточности социального и сосредоточивается на конструировании социальности, основанной не на тождестве, принципах целостности и субстантивизма, а на разнородности и множественности. Основная стратегия постклассического типа обществознания заключается в том, чтобы мыслить социальность как «социацию»: не как нечто данное или предустановленное, а как связь или как акт связывания конкретных субъектов в определенных пространственных и временных условиях, о формах закрепления социально-пространственной и временной организации во взаимодействиях самих людей.

Приведены результаты теоретических исследований 1 этапа.

Выявлены три типа обществознания:

С точки зрения типов рациональности целесообразно выделить трех типов социальности, каждому из которых соответствуют исторически обусловленные формы критико-рефлексивной, целеполагающей и целесообразной деятельности. В соответствии с типами социальности выделяются три типа обществознания.

1. Классический: в рамках метафизической традиции, т.е. до возникновения научного обществознания (до середины XIX в.), когда оно не отделено еще от абстрактно-метафизических рассуждений;

2. Неклассический: в ходе становлений и обособления научного обществознания (конец XIX и начало XX вв.);

3. Постклассический: в процессе преодоления как метафизического, так и соционаучного дуализма, когда определяются новые онтологические основания обществознания (середина и конец XX в.).

Однако вопрос об отношении типов социальности и типов научного обществознания возникает только в Новое время, когда «всеобщая общественная связь» обнаруживает себя в чистом виде, что создает предпосылки для абстрактно-теоретического описания жизни общества. Следовательно, для типологизации обществознания не подходят схемы, выделяющие крупные исторические ступени, эпохи, формации. В этих исторических рамках можно выделить три типа научного

обществознания: классический – с середины XIX до конца XIX – начала XX века, неклассический – с начала XX века до конца XX века, постклассический – с конца XX века. Классический тип обществознания характеризуется четким разделением социального и познавательного и фиксирует внимание на возможностях, методах и стандартах познания общества. Классическое обществознание обрекает себя на интерпретацию общественной жизни по аналогии с природой и для этой цели заимствует естественнонаучные методы познания. Неклассический тип обществознания характеризуется методологическим дуализмом, то есть методологическим разграничением естествознания («наук о природе») и обществознания («наук о духе»), а в рамках обществознания – противопоставление и связь социальных и гуманитарных наук. Основная стратегия постклассического типа обществознания заключается в том, чтобы мыслить социальность как «социацию»: не как нечто данное или предустановленное, а как связь или как акт связывания конкретных субъектов в определенных пространственных и временных условиях, о формах закрепления социально-пространственной и временной организации во взаимодействиях самих людей.

Показан план проведения последующих исследований.

В конце работы дано заключение, перечислены полученные результаты и область их практического применения.

В течение реализации 2 этапа проекта были проведены следующие исследования. Во-первых, были описаны условия конструирования социальности. В ходе исследований было проведено моделирование социальной онтологии как динамической системы. В результате были выявлены онтологические единицы формирования социальности. Во-вторых, на основании гетерологического анализа онтологических оснований общества была предложена концепция дифференциальной социальности. В результате был показан образ общества различия и метод его представления. В-третьих, с помощью системного подхода был проведен анализ процессов организации как константы социальных отношений. В результате были описаны типы организации, объединяющие социальные объекты в устойчивые совокупности.

В первой части исследования описаны правила структурного сопряжения системных отношений. Метод описания основан на антиредукционистской стратегии анализа. Вводится понятие гетерархии как несущей структуры социального, даются условия описания открытых систем, указываются правила взаимодействия иерархических и сетевых зависимостей. В пределах гетерархических отношений проясняется позиция субъекта, ее возможности, условия появления и пределы взаимодействия. Социальные процессы показываются множественными, совмещающими несколько уровней

коммуникации, которые аналитически раскладываются на отношения индивидов, статистических групп и институционализированных сообществ с соответствующей временной и пространственной протяжённостью. Условием постоянства и взаимной включенности участников коммуникации дано понятие социального *cogito* как автоматической рационализации поддержания коммуникации. Гетерархическое распределение отношений, предполагающее одновременное различие и упорядочение взаимосвязей, согласуется с понятиями дифференциации (Н. Луман) и ризомы (Ж. Делез). Указано, что отношения целого и частей не могут находиться в прямой иерархической зависимости, но всегда совместны, проявляя свои свойства как вместе, так и по отдельности.

Во второй части предлагается концепция дифференциальной социальности, заключающая в себе описание основных свойств социальных отношений и способов их взаимодействия. Социальные отношения охарактеризованы смежностью и реактивностью. Смежность означает совмещение одними и теми же процессами коммуникации нескольких значений, причастных различным аспектам социального существования (экономический, политический, культурный, экзистенциальный). Данное свойство предполагает принципиальную социальную возможность для формы выступать содержанием, и наоборот, для содержания формой. Таким образом, социальные процессы всегда оказываются способны поддерживать одновременно свою множественность и постоянство. Реактивность предполагает любое социальное взаимодействие в качестве ответа на вызовы и возможности среды коммуникации. Это означает, что свойства субъектов и объектов в социальности не имеют предзаданной природы и проявляют свойства в зависимости от круга коммуникации.

В соответствии с указанными свойствами, введены логики мышления, которыми должны руководствоваться люди в ходе социального взаимодействия. Первая логика инструментальная, которая показывает, как тот или иной процесс упорядочен функционально, в зависимости от потребностей общества. Вторая логика экзистенциальная, она показывает тот ценностный ряд, которым руководствуются люди. Динамика отношений описывается с помощью понятий циклического повторения (рекурсивность) и спорадического различия. Каждое отношение дается циклически повторяющим себя и изменяющимся в зависимости от ситуации, исходя из возможностей повторения самого себя. Это предполагает экстериторный характер отношений, не зависящий от свойств конкретных субъектов и объектов, но каждый раз определяющийся коммуникативной ситуацией. На основании вышесказанного предполагается фрактальный

характер организации отношений, форма которых определяется алгоритмом взаимодействия, а не предзаданными целями.

Далее охарактеризованы способы человеческого существования на основе свойств социальной коммуникации. Оговаривается, что основным способом человеческого существования является сообщество – взаимосвязанное социальное множество, которое в каждый момент существования проявляет совместные свойства целого и части. Вводятся два режима социального взаимодействия, с помощью которых поддерживается существование сообществ – институциональная формализация отношений настоящего и будущего. Описаны пересекающиеся свойства статистических групп и индивидов и институционализированных сообществ. Показано, что процессы, охватывающие различные объемы и количества отношений и участников, с необходимостью различаются по локальным и темпоральным признакам. Также предполагается, что развертывание каких-либо общих процессов взаимодействия всегда преломляется через отношения локальных сообществ. Для характеристики процесса структуризации вводятся понятия монополии и равномерного распределения. Первое понятие предполагает опосредованность и зависимость отношений от какого-либо одного процесса, отношения или участника. Второе понятие исходит из равной меры взаимного влияния каждого процесса и участника и поддержания состояния неопределенности дальнейшего развертывания отношений.

В третьей части описаны процессы институциональной организации как константы социальных отношений. Вводится постулат о принципиальном неравенстве распределения социальных отношений, обусловленных неравенством ситуаций развертывания отношений, и дается критика описания общества как гомогенности. Также предполагается обратимость коммуникации в необратимом времени. Таким образом, предполагается вторичность власти и свободы как факторов социальной организации. Далее даются характеристики экономических и политических отношений и соответствующие описания процессов дара, обмена и распределения. Показываются формы политического взаимодействия в виде насилия и компромисса. Все описанные типы и виды взаимодействия не отрицают друг друга и не находятся в антагонистических отношениях между собой, но дополняют друг друга и проявляются в зависимости от ситуации коммуникации. Также описаны уровни экономической организации в виде взаимодополняющих отношений ренты и производства. Уровни политической организации раскрыты в виде симметричной, автократической и равномерной форм организации с соответствующими свойствами.

На основании констант организации дается описание основных средств институциональной организации сообществ, которыми выступают власть и капитал. Показана первичность власти, как следствия обратимой коммуникации и вторичность капитала, как средства, используемого в уже властно-структурированных сообществах. Дается анализ различных способов взаимодействия власти и капитала. Подчеркивается гегемонистский характер власти, основанный не на подавлении, а на взаимной поддержке социальных групп друг друга с целью обеспечения совместного существования. Указаны пределы использования капитала как средства накопления и его возможности как средства организации неравного сообщества. С помощью констант организации дан анализ взаимодействия основных социальных групп – статистических, институционализированных и властных групп. Показаны формы и степени их взаимозависимости, а также условия появления управляемой и неуправляемой динамики отношений.

2. Аналитический отчет о проведении теоретических исследований

В течение реализации 3 этапа проекта были проведены следующие исследования. Во-первых, были описаны модели структурирования социальности, что позволило охарактеризовать типы структур социальных связей, реализуемых в ходе исторического процесса. Во-вторых, был проведен анализ динамики образования сообщества и выявлены формы связей, необходимых для образования сообщества. В-третьих, был определен способ формализации социальных отношений и приведена методология описания формализованных социальных отношений.

В первой части приведена модель системного структурирования социальности, реализуемой в ходе исторического процесса, что позволило на историческом материале совместить различные типы структур социальных отношений в политической и экономической сферах. Метод описания основан на коммуникативной модели исторического процесса. Это предполагает включение различных сообществ в качестве упорядоченных социальных иерархий, находящихся в непрерывных отношениях и образующих общую систему коммуникации посредством экономических и политических связей. Данный подход позволил указать необходимые объективные условия образования и взаимодействия сообществ, а также провести анализ структурирования социальности, основываясь на повторяющихся институциональных порядках и их изменении в ходе исторического процесса.

Таким образом, в противоположность общепринятому подходу к истории как поделенной на некие уникальные фазы или эпохи, исторический процесс развития социальности был показан в качестве непрерывной и инверсивной системы коммуникации

сообществ. Следовательно, делается вывод об отсутствии у истории предзаданной цели, а ее развитие характеризуется как эволюционное. Структуры отношений в такой системе состоят из общего набора связей, складывающихся в вариативные композиции институциональных связей. Эти композиции ситуативны и по мере развертывания исторического процесса образуют все более расширяющуюся и уплотняющуюся систему коммуникации. Было отмечено, что, развертываясь во времени, эти композиции отношений сообществ кульминируют в виде империй – масштабных институциональных образований, поддерживающих предсказуемый и управляемый социальный порядок.

Каждый из периодов складывания таких империй в ходе непрерывного политического и экономического мирного и насильственного взаимодействия имеет тенденцию к ускорению, а после образования империи заканчивается относительно долгим периодом регресса. Периоды регресса обусловлены как внутренними кризисными процессами имперских сообществ, так и внешними процессами включения периферийных сообществ. Несмотря на откат назад, эти периоды характеризуются расширением системы коммуникации, созданием новых композиций отношений и территориальной миграцией сообществ. Процессы ускорения развития, территориального расширения социальных институций, образования и кризиса имперских сообществ, которые реализуются в ходе истории, обладают сходством и развертываются по аналогичному сценарию. Приведено описание данных процессов, указаны хронологическая датировка и пространственная локализация на примере конкретных исторических сообществ.

Во второй части исследования проведен анализ динамики образования сообщества и выявлены формы связей, необходимых для образования сообщества. Первым условием конкретной социальной организации является ее размещение в пространстве. Вторым условием стало расположение сообществ относительно друг друга. Чем больше контактов сообщество могло устанавливать со своими соседями, тем быстрее шел процесс его дифференциации, а культура создавала все более рафинированные содержания. Практики землепользования, обработки ресурсов и торгового обмена вели к созданию социальной ниши для увеличения населения. В свою очередь, высокая плотность контактов вела к увеличению скорости социального времени, поэтому третьим пространственным фактором любой социальной организации является величина и плотность населения. Четвертым условием социальной организации является институциональное воздействие окружающих сообществ и их способность удерживать определенные форматы отношений длительное время.

Исторически основной задачей институциональной организации сообществ являлась поддержка привычного социального существования, предполагавшего низкую

степень динамики и редкие контакты. В связи с этим обыкновенным состоянием социальной организации был институционально поддерживаемый гомеостаз, получивший в литературе название «традиционного общества». Традиционное общество, первый модус управления будущим, осваивало коммуникацию, изменяя мир вокруг себя и себя в этом мире, но оно не стремилось к изменениям. Залогом поддержки сообщества всегда был статичный характер его институциональных отношений. Другой общепринятый способ заключался в старательном отделении власти от капитала, причем под властью здесь нужно понимать не только государство или элиту, но и власть локальных сообществ, средней и нижней страт, которые существуют посредством взаимного признания отношений собственности, найма, долга и подчинения. То есть, целью традиционного общества являлось поддержание статичного институционального порядка, в котором спонтанное расширение власти отдельных индивидов, групп, организаций всегда и последовательно ограничивается в пользу остального сообщества. С увеличением количества тел, контактов и создаваемых продуктов проникновение институциональной власти в жизнь сообществ сопровождалось одновременным созданием административного аппарата управления, в то время как рынок и дифференциация переводили все большую долю имущества в частную собственность.

Появление капиталистических сообществ было связано с множественной коммуникацией и высокой социальной динамикой. Капиталистическое общество, второй модус управления будущим, вынуждено подчинить социальную иерархию и ценность труда накоплению меновых стоимостей, что целенаправленно деформирует уравнительную структуру через изменение социальных позиций участников. Развитие традиционного сообщества в более сложные институциональные формы: аристократию, государственную бюрократию или обретение капиталистической организации происходило за счет размыкания предшествовавшей системы отношений и создания новых институциональных форм. Степень интенсивности контактов в ходе этого процесса менялась. Из замкнутого состояния коммуникация сообщества переходила в разомкнутое.

Относительная редкость или дисперсность контактов, ничтожность или неликвидность активов – вот главные условия замкнутой структуры организации. Разомкнутое сообщество целенаправленно изменяет мир вокруг себя и себя в этом мире, реагируя на обстоятельства коммуникации. Прежде всего размыкание касается свободного занятия экономической деятельностью и возможности включения в управление сообществом. Достижение разомкнутого состояния было возможно в том случае, если под воздействием внешних факторов внутри элиты сообщества устанавливался политический пат, и ни одна из сторон не могла надолго подавить другую.

Условия, в которых пути развития сообществ круто меняли свой путь, заключались в достижении институциональных пределов роста, то есть, невозможности бесконечного расширения территориального влияния экономических и политических организаций, увеличения численности и доходов населения, накопления и концентрации активов в конечной институциональной структуре. Несмотря на различия в последовательности локальных процессов, можно выделить общий инвариант развития событий, воздействовавших на традиционные и капиталистические сообщества.

Неравномерная дифференциация естественным образом создает локальные концентрации капитала и власти, которые, увеличиваясь, снижают риск неуправляемой динамики, но, став чрезмерными, подавляют эту динамику в принципе. Процесс концентрации дифференцированных активов и связующих отношений в неравных социальных условиях приводит к разрушению монополий зависимых групп и ломает прежде фиксированный институциональный порядок. В случае невозможности, отсутствия необходимости для сообщества менять институциональную структуру, она перестает поддерживать высокую динамику и контактность участников – сообщество переходит в замкнутое состояние. В разомкнутом состоянии рост и расширение затрагивают все сообщество, тогда как в замкнутом рост одних происходит за счет разорения других. Городские сообщества империй древности и средневековья становились аграрными, разделение труда и капитала «среднего класса» сменялось латифундиями немногочисленной верхушки. В Новое Время и современности, в связи с ростом взаимосвязей сообществ, социальные издержки достижения институциональных пределов снижались, но политическая и экономическая экспансия каждого из гегемонов в таких случаях прекращалась, а влияние их сообществ сворачивалось. Одновременно исчезал выстроенный ими институциональный порядок: периферия необратимо изменялась, а бывший лидер был уже не в состоянии ее контролировать.

В третьей части исследования был определен способ формализации социальных отношений и методологии описания формализованных социальных отношений. Анализ возможностей формализации социальных отношений опирается на теорию циклов, представление о некоей пульсации взаимосвязей сообществ, которая попеременно активизирует или угнетает деятельность и контакты. На сегодняшний день есть два основных направления изучения этой пульсации: циклы политической активности (периоды крупных войн, гегемонии, процветания империй – П. Кеннеди, Дж. Голдстайн) и волны экономической активности (повышение и понижение цен и прибылей – Н.Д. Кондратьев, С.М. Меншиков). Волны и циклы размещаются не только во времени, но и в пространстве, и это социальное пространство, созданное сообществом. Социальное

пространство создается отношениями людей как индивидов, групп и организаций, оно зависит от контактности участников, их возможностей и ограничений. Это означает, что колебания экономических волн и политических циклов должны быть связаны с организацией отношений сообществ, изменения которых являются реакцией как на политические действия друг друга, так и на экономические колебания.

Спонтанное появление новых кластеров институциональной организации сообществ, являясь реакцией на изменение экономической конъюнктуры и политических процессов, сопровождается изменениями в конфигурации власти, удерживающей отношения сообществ в нужной форме. Эта власть носит не только политический, но и экономический характер и присутствует не только в виде средств устрашения, но и средств организации. В этом пункте соединяются власть и капитал, представляя пространственно разнесенными скоплениями сообществ, их неравномерным институциональным влиянием и богатством. Циклы активности – это процессы взаимовлияния сообществ, образующих совместное пространство коммуникации. Оценка и анализ фаз подъема и падения активности сообществ в таком случае должна основываться не на их уникальности, а на их повторяемости и выделении новых направлений коммуникации, отличных по отношению к повторяющимся процессам. Это предполагает видение исторического процесса не поделенным на уникальные, дискретные фазы, циклы, эпохи, а непрерывным, каким он и является в реальности.

Отношением, в котором сходятся указанные процессы, является постоянство процессов организации сообществ, в ходе многосторонней коммуникации образующих многочисленные институциональные объединения, которые используют для своего поддержания различные сочетания капитала и власти (Дж. Арриги). Такой подход предполагает, что в объяснении социальных, политических, экономических отношений необходимо ограничить использование модели каузальной причинности, детерминизм которой не в состоянии связать события и процессы, различающиеся по форме, содержанию и участникам. Получение системного эффекта организации сообщества предполагает соответствие друг другу процессов и институций, взаимное воздействие которых создает множество вариативных конфигураций отношений, поддерживающих общество в том или ином состоянии. Реализация любых действий сообщества учитывает соотнесенность взаимосвязей разных уровней социальных иерархий, непрерывно реагирующих друг на друга пространственно размещенных сообществ.

Дифференциация социально-экономических и политических отношений сообществ и их институтов сопровождает все активные коммуникации в войне и мире, способствуя их росту и трансформации. Дифференциация заключается в постоянном изменении

позиций участников внутри сообщества, а равно и в изменении позиций сообществ относительно друг друга. Дробление и концентрация взаимосвязей, падение и возвышение позиций непосредственно влияют на процессы и формы организации. Расширение и уплотнение взаимосвязей ведет к созданию более обширных систем организации отношений, нивелирующих локальные различия, но способность воспользоваться этими новыми возможностями требует трансформации институциональной структуры сообразно новым обширным системам коммуникации, так что любой рост и расширение накладывает со временем ограничения. Рассеяние и сужение связей вызывает рост локальных различий и локальных форм организации.

Рост социального пространства следует отличать от трансформации порядка. Рост предполагает увеличение и распространение коммуникативных возможностей, количественное увеличение активов. Рост требует одновременного наличия рынка, взаимоприемлемого управления сообществами и капитала. Это значит, что децентрализация размыкающихся сообществ проходит одновременно с концентрацией капитала и власти среди новых участников, что удерживает динамизированную структуру от распада. Трансформация, наоборот, предполагает изменение структуры отношений (К. Поланьи). Рост увеличивает общие социальные возможности участников, тогда как трансформация через ломку институтов расширяет возможности одних участников и сужает возможности других.

Трансформация связана с тем, что рост и развитие сообщества предполагают достижение институциональных пределов отношений. Такой предел свидетельствует об исчерпании социальных возможностей в рамках конкретной социальной организации. Невозможность управления трансформацией в интересах сообщества ведет к сравнительной регрессии, связанной со снижением социальной динамики. Неуправляемая трансформация (или управляемая в интересах лишь отдельной части сообщества) ведет к изменениям форм центрации отношений в пользу меньших и периферийных центров власти. Управляемая трансформация происходит путем изменения центрации в пользу расширения общего контроля и изменения роли прежних привилегированных групп, центров, отношений. Этот путь управления сообществом признает изменение и расширение социального пространства и старается включить предыдущий центр в качестве привилегированного сообщества за счет удовлетворения притязаний новых социальных групп, их организаций и институтов.

3. Результаты теоретических исследований

3.1 Описание моделей структурирования социальности

Эксплицитный анализ сопряжения социальных процессов в практической реальности всегда представлял собой трудноразрешимую проблему теоретического характера. Проблема всегда заключалась в том, с позиций какой науки описывать социальность. В качестве региональных онтологий обычно выступают «культурная идентичность», «экономическое развитие» традиционного и капиталистического обществ, «политическая борьба» свободы и тоталитаризма и т.д. В данном исследовании структурирование социальности отслеживается посредством анализа институциональных порядков и их изменений в ходе исторического процесса. Такой подход предполагает непрерывность исторического процесса, а не деление его на принятые фазы, или эпохи, рабовладения, феодализма, капитализма. Акцент в исследовании ставится на повторяющихся процессах институциональной организации и различиях, или институциональных прерывностей, в рамках общего исторического процесса.

Различные вариации человеческих деяний, частные и общие, совместно образуют системы инверсивных социальных связей, коммуницирующие в реальном времени. Взаимодействие складывает их в композиционные структуры отношений, которые в процессе коммуникации могут распасться на исходные формы, но затем снова собираются вместе, образуя новые композиции. Меняются культуры, но этика сообщества обнаруживает сходство, независимо от времени и места проживания.¹ Меняются языки, обычаи, предметы быта, технологии, орудия труда, но их взаимосвязь в социальной коммуникации остается неизменной. Процессы организации сообществ, если внимательно присмотреться к истории, обладают удивительной повторяемостью. Разные сообщества проходят сквозь типичные события, и, возможно, мы не всегда способны пережить мир так, как его переживали в Древнем Египте, империи Мин или викторианской Британии, но осознать структуру действий этих сообществ, почему они делали одно, а не нечто другое, мы вполне способны.

Очевидно, что культура является более чем значимым фактором коммуникации, поскольку непосредственно ее осуществляет. Вместе с этим надо заметить, что традиционная интерпретация роли культуры или идеологической целерациональности в социальной коммуникации и вопросах институционального строительства явно не в состоянии объяснить общность коммуникации и разность культур. Сложившиеся в XIX – XX вв. концепции социального развития предполагали, что коммуникация и институты

¹ Кемеров В. Е., Коновалова Н. П. Восток и Запад: судьба диалога. Исследования, хрестоматия, комментарий. — Екатеринбург, 1999.

растут из ценностей конкретных культур, и поскольку культуры различны, то и результаты коммуникации различны тоже. Данное объяснение можно счесть рациональным нарциссизмом западной науки, оборотной стороной которого является вера в животворящий дух, эманлирующий из культурных форм в политико-экономические, результатом чего становится некая «идентичность», объясняющая действия сообществ и государств.

Только продолжая избегать различия культуры и коммуникации, можно рассуждать о негативной патриархальности конфуцианства в период упадка Китая и позитивном патернализме того же конфуцианства в период его подъема. Критика идеи локального происхождения рациональных целей и попытки найти основания институциональной коммуникации для каждой отдельной культуры особого успеха не принесут, поскольку в «культурах» до сих пор ищут некую абстрактную сущность социального, явленного в художественной или этической форме. Безусловно, разность культур весьма значительно затрудняет коммуникацию и рождает взаимное подозрение, сводимое к банальному страху перед теми, кто не похож на нас. Тем не менее, эта разность не помешала мировой системе коммуникации сообществ появиться и в течение всего существования человека развиваться и принимать все более сложные формы.

Появление локальных городов и территориальных государств было связано с необходимостью управления сообществом в ежедневном производстве, регулярном ведении торговли, распределении обязанностей и применении насилия. Появившись для удовлетворения базовых потребностей совместного существования, управление будущим связало сообщества неравной связью, выпутаться из которой они уже не смогли. Первую цивилизацию, о которой нам достаточно известно, создали в IV – III тыс. до н.э. шумеры в междуречье Тигра и Евфрата. Опыт предыдущих странствий и иерархичная организация сообществ вызвали к жизни чрезвычайно продуктивное аграрное производство, притянув множество контактов, что сделало этот район крайне урбанизированным. Экономические и политические связи шумеров расходились по всему Ближнему Востоку и достигали западной Индии. Шумерские города регулярно вели истребительные войны за контроль торговых путей и отъем ценного сырья. Элиты были в наибольшей степени заинтересованы во внешней торговле и войнах, которые, в свою очередь, вызывали появление репрессивного и административного аппарата государства. Во внутренней политике следствием было появление частной собственности и постоянные попытки узурпации власти отдельными представителями верхушки. Как правило, представители знатнейших родов достигали этого совмещением бюрократической (жречество ранних

цивилизаций контролировало крупнейшие производственные и торговые активы) и военной власти.

Наличие общего, но неупорядоченного экономического пространства, нарушаемого частыми распрями участников, предопределило пути политического решения вопроса. Результатом активных мирных и военных контактов шумерских государств было появление все более обширных империй, для управления которыми создавались государственная бюрократия, государственная армия, фонд государственных активов (земля) и государственная внешняя торговля. Проблема, все же, заключалась в том, что политический мир этих империй не предполагал социального и экономического включения покоряемых сообществ, которые служили источником добычи. Лишая местные элиты ценнейших активов и не давая ничего взамен, империи обрекали сообщества на постоянные восстания и потому были недолговечны. Социально-экономическая дифференциация и спонтанная интеграция сообществ размыкали локальные институциональные структуры: к власти приходили выходцы из низов общества, такие как Саргон Древний, который в XXIV – XXIII вв. до н.э. и создал первую империю.

Социальная динамика, которую являют древние сообщества, типична для современности. Экономический рост вследствие расширения сети контактов, сложные отношения социальных страт, конкуренция среди верхушки, создание профессиональных союзов и профессиональных армий, концентрация активов, разорение мелких участников и обогащение крупных, последующая рецессия и разрушительная депрессия с ослаблением или развалом государства. Затем круг повторялся. Размах частных и государственных капиталистических практик был столь велик, что не помогали никакие ограничения экономической деятельности, в связи с чем III династии Ура в XXII – XXI вв. до н. э. пришлось создать автократичную организацию государственного капитализма, а разоренных людей использовать как государственных рабов. Падение этого государства вызвало такой разгул капитализма, который впору назвать диким. В Вавилонском царстве Хаммурапи в XVIII вв. до н. э. сталкивался с той же дилеммой дифференциации сообщества и его активов, в связи с чем была предпринята целенаправленная попытка поддержания традиционного общества и ограничение капитализма. Расцвет египетских царств обязательно заканчивался распадом ввиду той же дифференциации и приватизации земель группировками знати.

Внешняя пространственная организация коммуникации сообществ была непосредственно связана с их внутренней динамикой отношений. Рост и расширение отношений развитых центров вовлекал периферийные сообщества, и когда рост

заканчивался, периферийные варвары обрушивались на слабеющие метрополии. Центральные сообщества, пока были сильны, обычно сравнительно легко отражали вторжения менее развитых соседей, но с прекращением роста и разрушением внутренней социально-экономической структуры становились беспомощны, и вторжения сразу после того, как в царстве «что-то пошло не так», в древнем мире были повсеместны. С пришельцами взаимосвязи регрессировали, но территориальные перемещения сообществ и неуклонное включение периферии распространяли цивилизацию городов и государств. С каждым новым циклом происходило пространственное расширение активности, и выстраивались новые институциональные структуры, которые являлись видоизменением старых.

Бронзовый век закончился эпохой обширных сухопутных и морских империй, высоким уровнем урбанизации, постоянными внешними политическими и экономическими отношениями сообществ. Если в начальный период интенсивность контактов была достаточно слаба, то впоследствии экономическая интеграция и империализм государств шли по нарастающей. К XIII в. до н.э. государства с помощью союзов образовали систему великих и не очень держав и после взаимного признания поддерживали общий мир. Но в конце XIII в. до н.э. внутри развитых сообществ – Нового египетского царства, Ахейских государств начинаются восстания и междоусобная борьба. В XII в. до н.э. периферийные народы Ближнего Востока и Средиземноморья, создав военизированные иерархии, приходят в движение и вторгаются в Египет, Малую Азию, Междуречье и Грецию. Еще недавно грозные империи, регулярно отражавшие сходные вторжения, распадаются, прекращается интенсивная торговля, культура и инфраструктура становятся примитивной, а вслед за этим вновь поднимаются мелкие города и царства.

Период с XII по X вв. до н.э. был временем городских государств и мелких царств, и он связан с подъемом тех сообществ, кому приписывают «изобретение» капитализма. Финикия являлась группой городов на территории Леванта. Причем сами финикийцы были пришлыми, тогда как города на восточном побережье Средиземноморья, которые они заняли – одними из самых старых на планете, поскольку здесь проходили самые важные торговые пути древнего мира. Зависимость от импорта аграрной продукции и возможности экспорта металлов и промышленных изделий обусловили капиталистическую экспансию финикийских сообществ. Их слабостью был небольшой размер сообществ и досягаемость со стороны соседей, которые регулярно грабили финикийцев. Торговый город Ашшур в Северной Месопотамии, напротив, совместил экономические интересы торговцев и военные возможности аристократии, создав с X по VII вв. до н.э. самое грозное государство того времени. Расширение связей сообществ

опять вело к созданию все более обширных империй, как на Ближнем Востоке, так и в Индии, где под государственный контроль ставились все более обширные территории, а в момент кризисов к власти приходили шудры. В этот период, пережив длительный регресс, Древний Мир вновь начинает по нарастающей экономически интегрировать сообщества и создавать все более обширные империи со все большими рынками и развитым управлением, пока не достигнет пика в I – II вв. н.э.

Отношения сообществ носили гегемонический характер: крупнейшие участники представляли реальную угрозу для противников и давали защиту союзникам, но в характере влияния имелись существенные различия. Ассирия возвысилась при помощи союза насилия и капитала, но, помимо контроля торговых путей и обменов, удерживала контроль и доходы исключительно звериной жестокостью; с падением ассирийской державы влияние ее сообщества немедленно кануло в лету. В отличие от нее Вавилония и Финикия представляли собой разомкнутые, урбанизированные сообщества, в которых притязания социальных групп удовлетворялись за счет активной торговли и производства. Как следствие, их коммуникативные возможности, социально-экономическое и культурное влияние оставалось значительным в течение всей истории Древнего Мира, несмотря на то, что политическое влияние их государств было довольно кратким. Связи, капиталы, знания и соответствующее влияние делали их главными областями ойкумены, без контроля которых никакая империя на Ближнем Востоке рассчитывать на гегемонию не могла.

Для всех государств одной из главнейших задач было поддержание социально-экономического status quo и избавление от издержек капиталистических практик, ведущих к обнищанию большинства и обогащению меньшинства. Использовали капиталистические практики все, у кого были те или иные активы и возможности обмена, другое дело, что активы большинства были ничтожны и влияния не имели. Империи предпочитали взимать ренту, купировать конфликты, строить инфраструктуру за счет местных сообществ, но проводить их социальную трансформацию с целью их капитализации не могли и не умели. В этом смысле даже самые умелые правители оставались заложниками коммуникации сообществ и условий их взаимодействия. Риск чрезмерной дифференциации населения и разрушения локальных институтов управления был слишком велик. Образцовым капиталистическим государством древности был Карфаген, чья олигархия столетиями поддерживала свою власть в городе и последовательно расширяла сферу политического и экономического влияния своего сообщества в Средиземноморье. Однако, внутренняя слабость этого государства, заключавшаяся в эксплуатации контролируемых областей вместо их относительно

равноправного включения, предопределила его крушение в схватке с Римом, который своих союзников, так или иначе, включал в совместное управление.

Как правило, управление расширявшихся империй находилось в руках военных из числа аристократов, следивших за политическими контактами и уплатой дани покоренных сообществ. Эта институциональная структура была наиболее дешевой и подходила для замкнутых, слабо контактирующих сообществ. Дальнейшее развитие такой бюрократии предполагало разделение военных и гражданских функций и периодическую ротацию немногочисленных управляющих. Вследствие чрезмерных полномочий такой администрации локальный властный монополизм, совмещение личных и государственных интересов вкупе с концентрацией частных активов аристократии и капиталистов были главным ее бичом во все времена. Относительно низкий уровень урбанизации делал местную аристократию главным заинтересованным участником в деле взаимодействия с империей. Характерным для такого типа организации было Персидское царство VI – IV вв. до н.э. и империя Маурьев IV – II вв. до н.э., охватывавших максимум цивилизованной территории. В подобных, рыхлых государствах взаимная включенность сообществ была слабой. Элиты таких империй с легкостью демонстрировали стремление к завоеваниям, но с прекращением военной экспансии начинался сепаратизм. Как только перемещение и распределение активов среди верхушки заканчивалось, регионы переставали нуждаться в империи.

Преимущества разомкнутого типа организации перед традиционным были продемонстрированы урбанизированными сообществами Греции, которые не только создали массовую культуру и массовую капиталистическую экономику того времени, но и совместили организационные возможности капитала с политической властью и военной мощью. Греческие полисы VI – IV вв. до н. э., а за ними эллинистические государства проводили целенаправленную политику расширения рынка, введение местного самоуправления и боролись с образованием чрезмерных скоплений активов в отдельно взятых руках. Все эти реформы были не случайны, им предшествовали века спонтанного расширения рынка и подчинения сообществ, проводившихся наиболее крупными и влиятельными государствами Евразии. Для территориальных государств, как и для торговых городов, такая политика была логичной, ибо она связывала территории, делала их зависимыми друг от друга и приносила доход. Аналогичные процессы шли в Индии и Китае, где социально-экономическая активность урбанизированных сообществ толкала элиты на создание все более обширных государств: дифференциация сообщества ломала традиционную замкнутость и статичность социальной структуры, как это происходило в империи Нандов V – IV вв. до н.э. и в период позднего Чжоу V – III вв. до н.э.

Трансформация социальных структур евразийских сообществ позволила совместить частный капитализм с государственной политикой: Карфаген, греческие полисы. Промежуточное положение занимали эллинистические государства, Рим, индийская династия Нанда, династия Хань, где государственная политика была отделена от интересов капитала, но использовала и поддерживала социально-экономические и политические возможности, даваемые капиталом. В случае доминирования центральной власти в развитых странах появлялись образцы государственного капитализма: эллинистический Египет, империя Цинь. Наиболее полно эти преобразования нашли себя в Китае, где Ши Хуанди понадобилось всего десять лет, чтобы превратить почти все сообщество в частную собственность своих приближенных, а государству придать капиталистическую и автократичную форму. Отдельный пример являла Индия, где трансформация структуры варн в плотных и полиэтнических сообществах привела к созданию системы каст как социального регулятора, следствием чего было отсутствие государственной бюрократии.²

Однако, сколь бы динамичными ни были общественные отношения в период расцвета такой политики, исход был одинаков: торговые монополии, концентрация земельных активов, архаизация коммуникации и дестабилизация государства, которое либо распадалось, либо возвращалось к традиционным формам управления. Греция столкнулась с кризисом полисов в IV в. до н.э., эллинистические империи во II – I вв. до н.э. Достигнув пределов накопления, крупные капиталы конвертировались в государственные должности и крупные земельные поместья, экономика которых носила замкнутый характер. Как следствие, сообщества не могли обратить процесс концентрации активов в инструмент внутренних институциональных изменений и последовательного включения периферийных сообществ. Эта работа осуществлялась путем завоеваний, и в конце концов она привела к новой эпохе мировых империй. Расширение цивилизации и упрочение ее внутренней связности позволило политическим юрисдикциям увеличить максимальный контроль над территориями вдоль Евразии на рубеже I – II вв. н.э. под властью четырех империй, обладавших политическим контролем над экономическим взаимодействием сообществ. Римская, Парфянская, Кушанская и Ханьская империи жили с ренты за контроль торговых путей, перераспределяя средства в обустройство инфраструктуры, управление городами и сельскими областями.

² В отличие от варн (деление на жрецов, воинов, крестьян, рабов), система каст строилась по признаку профессии и места проживания, принадлежность к которому могла отчуждаться в кризисных ситуациях. Системы каст сделали ненужной многочисленную государственную бюрократию, так как касты были одновременно самоуправляющимися сообществами. Политическое, культурное влияние Магадхи в Северной Индии и неизменный положительный баланс торговли в отношениях со всеми остальными сообществами Евразии закрепили ее систему каст на большей части Индии.

Общим инвариантом социального управления в империях было одновременное поощрение государством как частной инициативы, так и форм коллективного самоуправления и центрального регулирования (в большей или меньшей степени). В том или ином виде, государства наиболее развитых и богатых сообществ обзавелись бюрократией и рационализировали управление сообразно частным и коллективным запросам сообществ. Международные и этнические торговые и финансовые сети существовали с тех самых пор, как появилась частная собственность и частная торговля. За исключением капиталистических морских сообществ и Ассирии, эти торговые иерархии сетей не включались в создание государственных институтов и страдали от вторжений варваров в периоды регресса. С расширением и упрочением империй торговые и финансовые объединения наиболее развитых регионов росли в пределах безопасных государственных юрисдикций. Но процветание империй оказалось временным. Логика дифференциации, которая предполагает одновременную фрагментацию и концентрацию связей и активов, способствовала монополизации экономических возможностей сообществ среди ограниченного круга лиц. Активный капитализм и в Римской, и в Парфянской, и в Ханьской империях сам приводил себя к концу: концентрация капитала и земельных активов делала сказочной жизнь верхушки, но те, кого называют «средним классом», беднели и возвращались к примитивной социальной жизни. Хотя капитал оказывался способен на временную трансформацию отдельных сообществ, и в такие моменты наблюдается поразительная социальная экспансия, усложнение отношений сообществ, социальная среда их связей была недостаточной, чтобы придать капитализму современный вид.

Экономические контакты между империями создавали региональные и локальные связки «центр-периферия», что вело к чрезмерному накоплению капитала на одном конце и разрушению социально-экономической организации на другом. Более успешные и эффективно организованные сообщества включали экономически и политически зависимые области в качестве периферийных экономик, происходила фиксация в системе разделения труда, а «естественное» выкачивание капитала блокировало рост сообществ. Но и внутри преуспевающих сообществ события шли по аналогичному сценарию. Так, отрицательный баланс Рима в торговле с Индией и в целом с Востоком продолжался в виде тех же отношений между урбанизированной частью империи в Восточном Средиземноморье и аграрной в Западной Европе. В Иране эта ситуация разворачивалась между городами Междуречья и периферийными территориями: сначала в виде кризиса эллинистических государств во II – I вв. до н.э., затем в Парфии II – III в. и в Сасанидском Иране VII в. В Индии касты спасали сообщества, но не государства, и колебания вдоль

Шелкового пути разрушали индийские империи так же легко, как и собирали. В Китае правление династий Старшая и Младшая Хань каждый раз заканчивалось кризисом социальной структуры общества в I и III вв. соответственно. Когда социально-экономическая деятельность сообществ приводила большую часть людей к перманентному банкротству, находились два выхода. Либо обратная трансформация социальной системы к более примитивным, замкнутым формам организации и деятельности, либо попытка тотализации сообществ государственной бюрократией. Первый вариант был испробован Западной Римской империей, Ираном, Китаем, причем последний за свою историю испытал такие кризисы далеко не однажды. Второй выбрали в Восточной Римской империи.³

Значительная замкнутость государств в отношениях друг с другом, частое использование политики насилия делали невозможным перевод капитала в пределы других юрисдикций с сохранением его стоимости или прав на активы. Основные инвестиции направлялись в скупку земли, в связи с чем в Риме, Иране и Китае кризис III в. сопровождался одновременной социальной деградацией и процветанием очень узкой прослойки богатейших собственников. Исчезновение общественного богатства разоряло государство, которое отдавало свои функции частным лицам за откуп или по обязанности, что делало положение и верхушки, и остального сообщества крайне нестабильным. Урбанизированные формы жизни такого положения вынести не могли и регрессировали до положения замкнутых аграрных сообществ. Одной из реакций государств на плачевные события стали попытки унификации империй, с помощью бюрократии и идеологии, то есть, религии. С политической точки зрения религиозная унификация понятна, так как обратной стороной процесса был сепаратизм приверженцев негосударственных религий. Социально-экономическим следствием политики навязывания общей веры было разорение и физическое уничтожение несогласных, сделавшее Византию и Иран неспособными противостоять натиску арабов в VII – VIII в.

Мировая система коммуникации сообществ последовательно расходилась по континентам, но плетение связей было неровным, с разрывом контактов и перепадами

³ До сих пор можно прочесть о том, что кризис империй в III в. был связан с рабовладением как способом производства, но верить этому не стоит. Никак не повлияло на кризис и отсутствие машин. С одной стороны, их производительность не была востребована из-за низких транспортных скоростей, с другой, сообщества возмещали этот недостаток удешевлением ручного труда, который служил источником доходов в обществе, где бедность потребления являлась нормой. Рабство было следствием соседства урбанизированных сообществ с варварскими племенами и оказалось формой включения племенных сообществ в лоно цивилизации со времен Шумера и вплоть до Африки XIX в. Инициатива всегда исходила с двух сторон: развитые города предъявляли спрос на рабочую силу, организацией предложения занималась варварская аристократия, продавая своих соплеменников. По своей роли в социально-экономических процессах рабы – обыкновенные пролетарии, возможности которых в разных сообществах простирались от положения «говорящего орудия» до члена профессионального самоуправляющегося союза.

регресса; и вело не столько к прогрессу техники и знания, сколько к пространственному расширению цивилизации и социальному включению все новых сообществ. Вялая структурация процессов, формирование связей периодически приводили к локальным и региональным размыканиям сообществ, что сопровождалось распусканием разнообразных контактов и складыванием их в динамичную систему отношений. Неравномерность концентрации активов и контактных возможностей делала институциональные структуры сообществ недееспособными, на какое-то время евразийская система распадалась, но затем вновь распускала экономические сети и приводила их под контроль юрисдикций. Великое переселение народов II – VII вв. было такой же миграцией варваров, что и многие до него, но одним из самых крупных и затронуло Евразию на всем ее протяжении с востока на запад. Обширные рыночные связи вызвали появление аристократии, рост населения и приватизацию в варварских сообществах. Это движение не было бы столь массовым и повсеместным, если бы не кризис империй, а до этого их расцвет. В итоге, главными жертвами этой миграции стали Западная Римская империя и северный Китай. С V по X вв. на северо-восточной, северной, северо-западной периферии развитых сообществ создавались варварские государства, оседлые и кочевые, наиболее процветающие из которых все так же, как и раньше приторговывали рабами, а кто не мог – прозябали.

Следующий виток взаимосвязей регионов запустили династия Тан в Китае VII в. и арабы в VIII – IX вв. После пятисот лет ощутимого (за некоторыми исключениями) регресса Евразия и Северная Африка вступают в период нарастающей экономической интеграции и попыток создания мировых империй, достигший максимального развития к XVI в. То, что называют «феодализмом», было империей кочевников, коей на первых порах являлся Халифат; аристократический режим династии Тан формировался в условиях раздробленности, последовавшей вслед за разрушением государства династии Хань и вторжениями кочевников. Вслед политическому объединению территорий под властью новых империй настал черед их обустройства с помощью городской экономики и бюрократии.

Сама интеграция Халифата стала реакцией на дискриминацию немусульман в общей юрисдикции. Поначалу мусульмане не платили налогов, но с массовым переходом населения в ислам государство теряло налоговую базу, а восстания подрывали стабильность. Династия Аббасидов возродила персидскую традиционную структуру управления, а сообщества получили общее пространство для ведения дел, образовав последовательную цепь развитых регионов в Испании, Северной Африке, Сирии, Ираке и Хорезме. Связи с христианскими сообществами Халифата возродили Восточную Римскую

империю – Византию, которая в VIII – X вв. также пережила расцвет городской экономики и культуры, что, в свою очередь, сказалось на развитии Италии и появлении Киевской Руси. Благодаря всеобщему подъему наряду с территориальными сообществами росли экстерриториальные объединения, прежде всего торговые, среди которых одним из самых любопытных были еврейские торговые сети. Они охватывали Европу, Северную Африку и весь Ближний Восток, а на Северном Каспии вместе с кочевыми хазарами создали торговое полукочевое государство.

Большая плотность Китая и непомерные размеры рынка способствовали появлению административной системы мандаринов, чьи управленческие инструменты оказались непревзойденны вплоть до Европы XIX в. Помня уроки прошлого, администрация Тан последовательно ограничивала скопления крупных частных активов и защищала сельские сообщества, жившие с рынка, но не снимавшие с него сливки. Рынки, взаимосвязи которых вызвали империи, цвели вместе с городами, и начинается экономическая экспансия в Юго-Восточную Азию. Индийский океан стал полностью взаимосвязан со стороны всех побережий, кроме Австралии: появляются урбанизированные капиталистические государства, такие, как Чола в Индии и первые торгово-пиратские государства в Индонезии (Шривиджайя и Матарам), созданные при помощи индусских купцов. Поддержанные капиталом Халифата, мусульманские купцы прибирают к рукам торговлю в Западной Индии и отчасти Индонезии, не меньшим был натиск индусских купцов в Юго-Восточную Азию. Также, как и на Западе, только в большем объеме создаются обширные экстерриториальные торговые сети мусульман, индусов и китайцев. С этого времени ЮВА становится самым богатым рынком мира вплоть до конца XVIII в.

Развал Халифата и Танского Китая в IX – X вв. произошел в тех же условиях, что сгубили древние империи. Китай оказывается в пучине сепаратистских устремлений провинций, стремительно теряет контроль над Центральной Азией и разваливается. Северная часть страны надолго попадает под контроль кочевников Южной Сибири. Но уже в X в. многочисленные социально-экономические связи сообществ Китая помогают государству объединить страну и создать один из самых удачных образцов капиталистического, крайне урбанизированного общества. Династия Сун отличалась высокой культурой, развитыми административными, фискальными, монетарными практиками управления. В это время успешно совмещается государственный и частный капитализм, а крестьянские общины массово включаются в рынок. Ни одна последующая династия в Китае не смогла превзойти Сун, которая, к тому же, оказалась единственной династией, с помощью земельных реформ предотвратившей в XI в. институциональный

кризис. Гигантские объемы экономики способствовали экспансии китайских буржуа в Юго-Восточную Азию, где Китай стал политическим и экономическим гегемоном до XV в. Тогда же в Юго-Восточной Азии обозначилась тенденция к купированию военных конфликтов и разрешению их преимущественно мирным путем, к чему иные страны пришли гораздо позже. Условием такой тенденции, без сомнения, была зависимость участников друг от друга на обширном общем рынке и сложности ведения войны в регионе островов и побережий.

В Халифате процветала торговля на дальние расстояния, но социально-экономической интеграции сообществ не произошло. С монополизацией рынков и укрупнением частных активов состояние урбанизированных зон, особенно в Ираке, стало ухудшаться, а провинции охватила волна сепаратизма. На Ближнем Востоке и в Византии экономика становится аграрной, и появляются обширные земельные поместья аристократии. Империя распалась на ряд враждующих государств и стала подвергаться непрерывным атакам кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Включение кочевых племен в рыночный обмен с империями возвращал варварскую аристократию и политические притязания на экономические активы. С этого времени для Ближнего Востока и Средней Азии главной внешнеполитической проблемой стали внешние вторжения, которые сопровождались неизменным разрушением инфраструктуры, политической анархией, процветанием торговли роскошью и угнетением остальных социально-экономических возможностей сообществ. В Китае династия Сун еще активнее внедряла рыночный обмен среди кочевников посредством дани, сиюсь отвратить их от военных действий, но следствием было лишь появление такого феномена, который превзошел все остальные военные экспансии. Начавшись как обычное кочевое государство, монгольская империя подчинила себе как минимум половину цивилизованной и варварской Евразии и поддерживала свое существование регулированием торговли роскошью и развитой фискальной системой, заимствованной у китайцев. Наибольшую выгоду от очередного объединения Евразии получили немногие представители крупной буржуазии и аристократии, как монгольской, так и зависимых сообществ. Но и здесь скорость обменов и объемы накоплений в первой трети XIV в. достигают пределов: падение экономики подточило власть монголов в Китае и ослабило их государства в Центральной Азии.

Одним из следствий раздробления Халифата было ускорение развития средневековой Европы. Принято считать, что та система сообществ, которая сложилась после захвата германцами Западной Римской империи, является наиболее «чистым» выражением феодализма и даже знаменует собой переход к какой-то новой эпохе. Есть

повод усомниться в этой точке зрения. В самой системе рассредоточенного управления территориями с помощью профессиональных военных из числа аристократов, выполняющих административные и судебные функции, ничего нового нет. Рост экономических взаимосвязей с течением времени, усложнение социальной структуры, военные экспансии, создание процветающих урбанизированных регионов, объединение их в пределах все больших юрисдикций, появление бюрократии – все эти процессы уже происходили на планете по многу раз, и здесь европейцы не ввели ничего нового. Феодализм не являлся какой-то новой ступенью в развитии, скорее, это были обыкновенные аграрные сообщества, замкнутые, бедные и неграмотные, чье вхождение в систему экономических взаимосвязей Евразии вызвало сначала расцвет и затем резкий кризис. Внимание исследователей эта эпоха привлекает в связи со своей длительностью с V по XIV вв., но именно такая длительность и более, чем скромные результаты социально-экономических и политических достижений средневековых европейских сообществ должны дать повод усомниться в их исключительности или рассмотреть эту исключительность под другим углом.

Нам известно, что за тысячу лет со времени падения Римской империи Европа прошла только один масштабный институциональный кризис в XIV в. (Каролингская империя и Киевская Русь не в счет, поскольку были слишком примитивны). За тот же срок Китай успел как минимум дважды оказаться в таком положении: кризис династии Тан в IX в. и исчезновение монгольской династии Юань в XIV в. (не считая превентивных реформ династии Сун). Центральная Азия и Ближний Восток так же дважды пережили подобный кризис: в Халифате IX в. и в монгольский период XIV в. В Европе налицо более низкая динамика процессов коммуникации, что объясняется малочисленным населением, редкими внутренними и внешними контактами, примитивностью экономики и соответствующими объемами капиталов. Во внешней и внутренней политике европейские государства оставались катастрофически бедными и слабыми вплоть до XVII в. включительно, а центральная власть постоянно оспаривалась верхушкой аристократии. Потеря мусульманами контроля на Средиземном море в XI в. вследствие внутренних конфликтов (Северная Африка пережила социально-экономический кризис и атаки кочевников из Сахары в XI в.) позволила европейцам ускорить интеграцию в евразийскую систему сообществ. Их военная экспансия сопровождалась ростом торговли и производства в городах, сосредотачивавших все большие объемы капитала и вторгавшихся на рынки Ближнего Востока. Но даже в таком виде, а тем более, после кризиса XIV в. европейские сообщества оставались гораздо менее развитыми, а их государства менее могущественными, нежели Ближний Восток, Индия, ЮВА или Китай.

В XIV в. большая часть евразийских сообществ переживала перманентный политико-экономический кризис, сопровождавшийся в середине века чумой и многочисленными войнами, в особенности в Европе и Центральной Азии. Наиболее самодостаточными и развитыми регионами оставались Индия и ЮВА, чьи экономики отделались минимальными потерями, но в Индии вследствие кастовой системы политические режимы мусульманских и индусских государств оставались нестабильными до конца XV в., пока Северная Индия не была завоевана династией Великих Моголов. С конца XIV в. начинается новый подъем, благодаря которому состоялась централизация Китая при династии Мин; такие же процессы отмечаются на Ближнем Востоке: в Турции и позднее в Иране. К XVI в. сообщества от Средиземного моря до Японии опять создают богатейшие рынки, на которых в пределах обширных империй процветали и капиталистические города, и традиционные сообщества.

Восточные сообщества обладали самой крупной торговлей и самым разнообразным производством, и поток драгоценных металлов устойчиво шел с Запада на Восток: Индия, ЮВА и Китай в силу наиболее многочисленного и плотного населения были конечными пунктами назначения золота и серебра, а Турция и Иран помимо внутренних рынков были перевалочными пунктами для торговли с Африкой и Европой. Индия, ЮВА и Китай находились в центре мировой экономики; величина их рынков и степень урбанизации сделали остальные регионы в той или иной мере их экономической периферией. Аппарат государственного управления новых империй, как правило, был открыт для представителей всех социальных групп, кто был готов сделать карьеру чиновника. Ввиду своего превосходства Индия и ЮВА были открытыми экономиками и допускали на свои рынки всех, кто был готов платить, продавать и покупать. Государственная политика в отношении сообществ в рамках традиционной структуры придерживалась поощрения тех, кого сейчас называют «средним классом» (мелкого и среднего уровня торговли и производства) и ограничения влияния крупных собственников. Дальше всех в этом пошел Китай, который при династии Мин в середине XV в. во избежание усиления крупного бизнеса сделал всю внешнюю торговлю государственной и запретил приватизацию земли.

Европа того времени оставалась ярко выраженной периферией, но так же с XV в. начинает переживать подъем городской экономики, главным образом в Италии, Германии и Бенилюксе. Среди европейских сообществ выделяются небольшие капиталистические государства Италии, по отношению к которым остальные страны в той или иной степени выступали должниками, либо просителями. Эти процессы так и остались бы региональными, но настойчивые попытки португальцев и испанцев (финансируемые итальянцами) сначала привели к проникновению в Африку, Индию и ЮВА, а позже к

открытию и оккупации Америки. Подъем урбанизации, рынков и накопления капиталов в ходе исторического процесса часто шел вслед за созданием заморских колоний, в том случае, если эти завоевания финансировались городской буржуазией. Так было с колониями Финикии и Греции в Средиземноморье; немецкими колониями в Прибалтике; индийскими и китайскими колониями в Индокитае и Индонезии. Америка не являлась исключением, а по своим размерам, добыче драгоценных металлов и прибыльности производства превзошла все предыдущие колониальные экспансии, хотя эффект открытия Колумба сказался не сразу, и в разных сообществах по-разному.

Испания и Португалия пережили кратковременный политический взлет, но были не в силах использовать свои завоевания в полной мере, прежде всего, из-за недостаточности капитала, отсутствия широких деловых сетей и самостоятельных производств. Большая часть прибылей ушла итальянским, немецким и нидерландским торговцам, промышленникам и банкирам. В среднесрочный период почти весь добытый драгоценный металл ушел в Индию и Китай, и чем больше европейцы интегрировались в азиатские рынки, тем быстрее шел процесс перекачки металлов на Восток. В долгосрочный период американские колонии прежде всего усилили капиталистические сообщества, способствовали их политическому размежеванию с метрополиями и созданию собственных государств. Способность городских сообществ Северной Европы совместить интересы капитала, власти и всех социальных групп привели к созданию обширных торговых и производственных сетей, экономическому росту в ходе урбанизации и обусловили то, что, прежде, чем металлы покидали Европу, они превращались в капитал. Подчинение нидерландской буржуазией своих государственных структур и рационализация управления в интересах сообщества способствовали расширению экономического и политического влияния голландцев в Европе, что выразилось в посреднической функции в финансах, торговле и производстве и сделало остальные европейские государства зависимыми от Нидерландов.

Особенность международной системы политико-экономической коммуникации сообществ до XIX в. заключалась в том, что она была децентрализованной. Отношения «центр-периферия» обуславливались объективными и неуправляемыми факторами, типа численности и плотности населения, климата, особенностей пространственного размещения сообществ. Этим естественным путем наиболее развитыми сообществами становились не только наиболее урбанизированные и капитализированные, но и наиболее многочисленные, которые не нуждались в целенаправленной трансформации, хотя такие примеры и были. Слабые экономики, их города и сообщества всегда зависели от более сильных и богатых экономик, и как в Парфии I в., так и в Европе XIII в. или Индии XVI в.

наблюдались отношения «центр-периферия». Но возможности совмещения капитала и власти и поддержание этой связки государственной политикой оставались ограниченными. Большинство населения, будучи сельским, вовлекалось в эти процессы лишь отчасти, поэтому основными инструментами государственного воздействия на сферу капитализма были репрессии и присвоение частного капитала. Ведение последовательной политики в пользу капиталистов было убийственным, пока сообщества оставались замкнутыми, и капитал как средство организации уступал власти. Монархи, безусловно, постоянно вмешивались в дела торговцев и банкиров, но направлять потоки капитала, манипулировать чужими экономиками и трансформировать собственные сообщества были неспособны. То же и малые капиталистические государства, будь то в Италии или Индии. Их капитал мог быть велик, но возможности его конвертации в политическую власть весьма ограничены: порой они могли быть с царствующими коллегами на равных, но не возвыситься над ними.

Поэтому подъем мирового капитализма произошел в Европе, когда последняя включилась в мировой рынок в XV – XVI вв. Географически многие государства этого региона имели возможность коммуникации за счет протяженного побережья, но к сожалению для них Европа находилась на задворках развитого мира. Следствием такого положения было то, что территориальные аграрные государства были бедными и слабыми, а капиталистические городские государства были достаточно сильны, чтобы им противостоять. Более того, европейские государства были внутренне слабы перед аристократией своих сообществ и вплоть до XVI – XVII вв. неспособны централизовать управление подчиненными территориями. После централизации и создания системы бюрократии большие государства все равно оставались зависимыми от иностранных капиталов и их владельцев, поскольку размеры внутренних рынков каждого из них были малы, а плотность и величина населения невелика.

Благодаря этой зависимости и наличию развивающегося мирового рынка Европа смогла преодолеть разрушительный характер трансформаций, с конца XVI в. обратив ее в более управляемый процесс изменений системы социальной коммуникации.⁴ Благодаря внутренней раздробленности и разнообразным сочетаниям власти и капитала, европейские сообщества смогли воспользоваться потенциальными возможностями мировой системы коммуникации, максимально расширив свое влияние и увеличив капитал. Политическая и экономическая слабость территориальных государств

⁴ Если бы Европа не имела прямого выхода к океану или обширные территориальные государства обладали бы достаточными экономическими возможностями, то рано или поздно малые капиталистические государства были бы поставлены в прямую политическую зависимость от них и занимались обслуживанием потребностей сухопутных империй.

способствовала сохранению существенной части европейского капитала. Менялись его владельцы, но сам капитал, переходя от итальянцев к немцам, голландцам и британцам, сохранялся и приумножался; попутно вместе с ним росли и возможности по организации сообществ. К тому времени, когда европейцы напрямую включились в евразийскую систему сообществ, европейские капиталисты, их деловые и политические организации уже были достаточно сильны, а традиционные государства все еще слабы. Так что дальнейший виток коммуникаций образовался под возрастающим институциональным влиянием капитала. В конечном итоге международная система управления капиталом была институционализирована европейцами в мировом масштабе, замкнув политико-экономические отношения региональных сообществ в централизованную систему.

С того времени, как это произошло, централизованная система институционального управления политическими и экономическими отношениями сообществ периодически трансформировалась и меняла своих «операторов». Но проблема управляемой трансформации осталась по сей день и, похоже, регулярно будет становиться актуальной. Благодаря поддержанию контроля и управляемости значительных масс капитала со стороны некоторых деловых и политических организаций, в каждом новом цикле самоорганизации европейских сообществ степень разрушительности неуправляемой динамики снижалась, а способности к социальной трансформации увеличивались. Благодаря такому региональному фактору маленькие прибрежные и островные сообщества смогли сначала выдвинуться в торговле, создать урбанистическую культуру и развитое производство; включившись в мировой рынок, накопить большие объемы капиталов и использовать их в деле целенаправленного экономического и политического подчинения своих соседей. Успехи милитаризации, сопровождавшие эту борьбу, помогли в дальнейшем завоевать восточные сообщества. Последние, в Индии и Юго-Восточной Азии, придерживались политики открытого рынка, где все решали качество и цена, а их государства не вмешивались в дела банкиров и торговцев до тех пор, когда уже было поздно.

С конца XVI в. во всех евразийских регионах опять проступают кризисные явления, политическая и экономическая жизнь сообществ становится нестабильной. В Китае бюрократия поражается всепроникающей коррупцией, растут личные состояния мандаринов и крупных буржуа, остальное население нищает, а государство теряет дееспособность. В Турции, использовавшей традиционную систему управления, военные, наместники территорий увеличивают свои земельные владения, а крупная буржуазия вытесняет с рынков средних и мелких предпринимателей. В Европе население Испании и Италии так же нищает соразмерно с ростом богатства верхушки буржуазии и

аристократии, а империя Габсбургов переживает ряд дефолтов. Кризисные колебания сказываются на Индии: в империи Моголов военные и аристократия расширяют свои владения, растет степень эксплуатации сельских общин; города западного побережья сталкиваются с нехваткой спроса на продукцию, что вызывает вспышки голода.

Последствия этих процессов зависели от региональных особенностей сообществ, их способностей воспользоваться возможностями мировой системы коммуникации и совместить их с вопросами государственного управления. В Европе экономическая и политическая власть смещается из Средиземноморья в Нидерланды, где буржуазия и государство были не в состоянии подавить друг друга и потому пошли на союз. Турция надолго стагнирует. В Китае в середине XVII в. исчезает династия Мин, сама страна захватывается маньчжурами – кочевниками с севера, немедленно возродившими классические административные порядки: государство поощряет деятельность средней и низшей страты сообщества, пресекает концентрацию крупных частных активов. В империи Моголов выход из кризиса был двойственным: попытка религиозной унификации сообществ (насаждение ислама) и новые завоевания. Итогом этих усилий была перманентная гражданская война в Центральной Индии и смещение предпринимательской активности с западного побережья на восточное.

Европейцы, дотоле бывшие лишь одними из многих на рынке Индийского океана, смогли постепенно воспользоваться ситуацией. Торговые европейские компании с самого начала своего присутствия использовали военное насилие как средство устранения конкурентов, но пока империя Моголов находилась в зените, воевать предпочитали в Индонезии. Чем сильнее в Индии разгорались гражданские войны, тем большим было присутствие европейцев. Когда индийские государства были сильны, они не видели причин устранять «людей в шляпах», когда наступил период кризисной перестройки, было уже поздно. Опираясь на местных союзников из числа индусской аристократии и буржуазии, британцы вытеснили остальных европейцев и к концу XVIII в. полностью подчинили индийскую исполнительную власть и торговлю. Они максимизировали свои доходы за счет непомерного налогообложения и присвоения наиболее прибыльных отраслей. Поскольку британское машинное производство все равно проигрывало индийскому и в цене, и в качестве, последнее было принудительно подавлено, страна низведена до поставщика дешевого сырья с монопольной привязкой к британской продукции, а сообщество стремительно регрессировало. Так было продемонстрировано, что необязательно разрушать покоренные страны военным способом, это можно сделать экономически и получать стабильный доход.

Итак, с момента появления первых иерархических сообществ и до нашего времени система мировой коммуникации прошла множество рассеянных и связанных друг с другом циклов роста и кризисов институциональной организации. Колебания интенсивности развития сообществ носили эндогенный и экзогенный характер одновременно, поскольку для некоторых из них, например, в Египте, Индии и Китае локальные связи долгое время значили больше, чем региональные или континентальные. Все же, благодаря инверсивности отношений, пространственная рассеянность не стала помехой, и система коммуникации связала сообщества сквозь череду множества приливов и отливов, так что локализованные пространства колебаний постепенно глобализировались и связывались общим социальным временем, несмотря на различия в институциональной компоновке.

Выделенные циклы выражают динамику политико-экономического взаимодействия сообществ. Несмотря на разницу в месте и времени событий, вовлеченных сообществ, природа циклов совершенно одинакова, разница лишь в охвате и длительности выделяемых процессов. Эти циклы образовывались благодаря развитию рыночной экономики, расширению контактов и разделению труда, накоплению капитала урбанистическими сообществами и последующему их политическому объединению в рамках империй. Каждый такой подъем заканчивался с достижением пределов институциональной структуры сообществ и оборачивался кризисом политико-экономических отношений, разрушением государств и деградацией городской экономики. Между некоторыми циклами, когда институциональные кризисы способствовали обширным миграциям, отмечаются периоды регресса, например, с XIII по VIII вв. до н.э. и с III по VIII вв. н.э. После вовлечения варварской периферии восстановление, подъем и расширение сообществ выказывали тенденцию к ускорению. Чем большим был охват системы коммуникаций и чем больше появлялось урбанистических сообществ, тем шире и плотнее становился международный рынок, и восстановление после институциональных кризисов происходило достаточно быстро. Как было показано на примере Европы, длительность и результаты этих циклов служат вполне ясным указанием на уровень развития региональных политико-экономических систем.

Уже первые развитые урбанистические сообщества попытались подчинить максимум территорий и таким образом замкнуть на себя социальное пространство и время. При этом было испробовано все разнообразие типовых практик, которые общество использует сегодня. Однако эти попытки были относительно неудачны, так как любое образование оказывалось временным. Относительная ригидность социальных институтов и трудности с их целенаправленным изменением не позволяли варьировать композиции

отношений власти, капитала и труда на территориях взаимозависимых юрисдикций. Случай Европы интересен как раз тем, что начавшись с весьма невыгодных позиций, ее подъем в течение двух циклов V – XIV вв. и XV – XVI вв. помог, во-первых, с оккупацией Америки максимально расширить и уплотнить мировой рынок и, во-вторых, ввиду слабости государственной централизованной власти в Европе, капиталистические организации смогли установить контроль над большими государствами. Объединение экстерриториальных возможностей капитала и территориальной государственной власти позволило покорить те сообщества, которые, существуя в общем взаимосвязанном международном рынке, следовали традиционной институциональной политике, разделяя власть и капитал. Возрастание связности и плотности международного рынка, включение варварской периферии постепенно купировало трудности кризисов. Схожая динамика наблюдается в Индии в XVIII в. с падением империи Великих Моголов, когда появились региональные государства, опиравшиеся как на военную силу, так и на торговые сети, снабжавшие их капиталом. Но, в отличие от Европы, эта динамика была нарушена иноземным торговым и военным присутствием.

Благодаря сохранившемуся мировому рынку капиталистические сообщества смогли навязать соответствующую систему отношений к XVII в. на региональном уровне в Европе, а в XIX в. во всем мире. Этот контроль, в частности, выразился в том, что если у ранних сообществ пределы роста оборачивались расширением земельных анклавов, то теперь эти же пределы роста вели к доминированию финансового сектора, при помощи государств аккумулировавшего капиталы. Во время институциональных кризисов часть этих капиталов уничтожалась, менялись как система отношений сообществ, так и роль конкретных юрисдикций. Дальнейшее развитие мировой, теперь уже капиталистической системы так же шло циклически. Но увеличивавшаяся степень контроля мировых экономических и политических отношений позволяла относительно быстро купировать последствия институциональных кризисов, хотя предотвратить их без перестройки системы коммуникации сообществ, власти и капитала оказалось невозможно.

К началу XVIII в. внутри сообщества Нидерландов верхушка все больше концентрировала владение и распоряжение частным и общественным богатством, тогда как государство, средняя и нижняя страта все больше жили в долг. Голландцы скопили такие объемы капитала, что просто не находили торговых и производственных ниш для приемлемых вложений, а переключить политическую карту мира были неспособны: все-таки Нидерланды оставались маленькой страной и не стремились к обширным территориальным захватам, и потому свои сбережения они направляют в сферу финансовых услуг. Это вызвало расцвет европейской городской экономики по всей

Европе: Нидерланды были крупнейшим экспортером капитала и технологий, а недостаточность государственной власти над олигархией обратило преимущества голландского сообщества против него самого, одарив ими сопредельные страны. Конкуренция государств в торговле, производстве и милитаризме и наличие достаточного объема капиталов послужили условием для роста европейских сообществ, а дороговизна труда сделала рациональным нарастающее внедрение техники. В итоге все эти политические и экономические изменения привели к обострению борьбы между Англией и Францией за колонии, достижению независимости США, военно-политической экспансии России с последующим возвышением Пруссии и исчезновением Польши. Неспособность европейских монархий к своевременным институциональным изменениям ввиду стремительного роста городских сообществ и дорогостоящей внешнеполитической борьбы привело к Французской революции и наполеоновских войн.

Британия оказалась единственным сообществом, политика государственных и деловых организаций которого позволила в этот период привлечь максимум капиталов и направить доходы на экспансию по всему миру. Представители власти и представители капитала, государство и заседающие в парламенте крупные и средние собственники, будучи не в силах победить друг друга, были вынуждены заключить своеобразный пакт о сотрудничестве и институционализировать его во внутреннем социальном устройстве. Эффект взаимной поддержки оказался столь значительным, что среднее даже по европейским меркам сообщество смогло превзойти всех конкурентов на континенте и подчинить своим интересам мировую торговлю, производство, финансы, внешнюю и даже внутреннюю политику большинства сообществ на земле. Лондон стал центром мира.

С того момента, как европейцы замкнули на себя политико-экономические отношения сообществ в масштабе всей планеты, институциональный характер мировой системы коммуникации сообществ существенно изменился. Планетарная иерархически управляемая система капитализма постаралась свести влияние неуправляемых институциональных факторов к минимуму, а контроль политических и экономических отношений сообществ – к максимуму. Неспособность сделать из своей страны военный лагерь (по примеру римлян) и равный уровень государственных и частных интересов (для олигархии) заставили британцев поставить интересы частного накопления капитала над задачами концентрации политической власти. Как и Нидерланды, Британия стала не империей, а гегемоном, военная сила которого ставится в зависимость от манипулирования международными политическими отношениями, а власть принимает плавающий характер в зависимости от возможностей экономического роста и накопления капитала.

В этот период, сначала в Европе, а позднее и по всему остальному миру происходит относительная стабилизация экономических волн – циклов Китчина, Жюглара, Кузнеца и Кондратьева.⁵ В старой системе отношений экономика более зависела от климатических циклов, нежели ценовых, но рост торговли и производства урбанизированных сообществ, равно как и способностей к организованному грабежу сделал Европу к середине XIX в. нечувствительной к колебаниям природы. Развитие институциональной управляемости европейских сообществ и союз капитала и власти в виде целенаправленного поощрения роста городской экономики стабилизировали экономические циклы, которым теперь крушение политических институций не были помехой. Реагируя на экономику волн, росли и опускались политические гегемонии, контролируя институциональные трансформации сообществ.

Частный характер капитала сказался на возможности продления его жизни, несмотря на деформацию и снижение влияния поддерживающих его локальных политических институций. Торговый характер островной английской политики, экономическая и политическая зависимость Англии от Нидерландов, схожая институциональная организация с гипертрофированным влиянием олигархии сделали возможным обмен финансами между верхушкой обеих стран. Поэтому, когда накопление капитала в рамках конкретной институциональной организации приходило к пределам, капиталисты предпочитали поступить не как «государственные мужи», но как частные лица, и переводили свои средства в пределы других институций и юрисдикций. Те, в свою очередь, пользовались капиталом для расширения своего влияния и власти. Рачительность в отношении частного капитала сказалась и на характере внешней государственной политики. Британия, как и Нидерланды, до конца XIX в. не стремилась к захвату обширных территорий, но только к контролю опорных пунктов торговли и военных баз, за исключением Индии, чье сообщество было в состоянии выкормить за свой счет буржуазию небольшой далекой страны.

Отрицательной стороной этого процесса стала институциональная неравноправная зависимость сообществ друг от друга. Положительной – стремительный рост изменений, усложнение системы социальной коммуникации и, несмотря на издержки, рост активов и организационных возможностей для трансформации и взаимного включения сообществ. Изменения коснулись форм осуществления и институционализации власти: хотя многие

⁵ «Цикл Китчина» каждые 3 – 5 лет связан с динамикой спроса и предложения на рынке; «цикл Жюглара» каждые 7 – 11 лет связан с переливом капиталов по секторам экономики; «цикл Кузнеца» каждые 20 – 22 года связан с вложениями в «капитальные блага» (инфраструктура и работники); «цикл Кондратьева» каждые 40 – 50 лет связан с накоплением, аккумулярованием и рассеянием капитала.

европейские страны гордо называли себя империями, реальный международный правитель был гегемоном, но не империей, он доминировал, но не подчинял полностью, ведь тогда пришлось бы не только извлекать прибыль, но и нести издержки. Видя собственную зависимость от реакции сообщества на характер внутренней политики и зная влияние своих деловых организаций на организации других стран, британское государство последовательно поддерживало влияние буржуазии европейских стран на их государства и таким окольным путем сохраняла систему «баланса сил». Следствием такой ситуации стал феномен непрерывного экономического роста и последовательного расширения включаемых сообществ. Если в традиционном децентрализованном мире институциональная организация периодически регрессировала и начиналась вновь, то сохранение капитала, несмотря на периодические кризисы, позволило существенно увеличить коммуникативные возможности социальной системы. Но воспользоваться этими возможностями могли не все, поскольку возросшая живучесть капитализма сохраняла диктат западных сообществ, несмотря на институциональные изменения мировой системы.

Вообще, XIX в. дал классические образцы сосуществования разомкнутых, урбанизированных, капиталистических сообществ, обладающих прямым и косвенным экономическим и политическим контролем над остальными участниками. В наше время изменилось немного. Гегемон – это посредник в главных вопросах, которые могут стоять перед сообществами: войны и мира, бедности и богатства. С помощью деловых организаций он обладает развернутой логистической связью территорий, финансов, товаров и услуг. С помощью политических организаций гегемон контролирует нормы и практическое взаимодействие остальных сообществ. С помощью деловых организаций он получает большую часть доходов с общего рынка, а также распределяет доходы между зависимыми участниками. Главная политическая задача гегемона заключается в поддержании status quo отношений и наказании несогласных. Эмбарго и санкции налагаются гегемоном лишь затем, чтобы остаться единственным, кто будет держать в руках внешнюю торговлю и финансы провинившегося участника. Там же можно видеть войны, задача которых не в сокрушении противника, а во взаимном ослаблении участников к выгоде гегемона⁶ и военные интервенции для выбивания долгов из провинившихся государств. Под прикрытием власти гегемона между его сообществом и остальными участниками складываются такие экономические отношения, которые

⁶Такой была Крымская война 1853 – 1856 гг. Прекрасный анализ британской политики во время войны дан К. Марксом в статьях для газеты «New York Daily Tribune»: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, - М.: Госполитиздат, 1955 г. тт. 10, 11.

наиболее выгодны гегемону и его крупнейшим организациям. Подчинение территории конкурентов необязательно, но обязателен контроль (в виде *tertius gaudens*⁷) политических и экономических отношений между сообществами.

Внутреннее управление сообществом гегемона направлено на максимизацию эффекта взаимодействия с внешним миром. Такая организация как бы вывернута наизнанку, во внешний мир, что не совсем привычно для любых сообществ, живущих большей частью местными делами. Правители, по обыкновению, не трясли структуру социальной организации и практик. Как следствие, они не управляли экономикой ни внутри, ни уж, тем более, снаружи своего сообщества. Статус государства – это переменный эффект участия в мировой политико-экономической системе. Реакцией окружающих гегемона сообществ вначале является некоторое смятение, вызванное недостатком контролируемой коммуникации в мире. Но затем начинается долгая и кропотливая настройка социальных отношений внутри страны, множится бюрократия и разводится буржуазия, впрочем, элиты обычно присваивали себе чрезмерную долю дохода и нещадно стригли мелких буржуа, которые должны были оплачивать государственные амбиции. Сообщества политически конкурировали друг с другом за возможность экономической коммуникации и навязывали друг другу свои условия.

Почти весь XIX в. Британия контролировала мировую торговлю, финансы и международную политику, пресекая возможность длительных войн. Ее ближний круг состоял из числа европейских буржуазных сообществ, чьи социальные структуры все более активно размыкались и поддавались капиталистической трансформации. Одновременно создавались новые сферы концентрации активов и способы организации экономической коммуникации сообществ. Величина обслуживаемых территорий и создаваемых капиталов, перемещаемых для действий в любую подходящую точку земного шара, вызвали стремительный рост машинной индустрии. Появившись, как реакция на относительную дороговизну рабочей силы, машинная индустрия все больше привлекалась для создания инфраструктуры войны и мира, выпуская дешевеющие товары на растущий экспорт. Поэтому, в отличие от Нидерландов, Британия стремилась не пресекать самостоятельные операции соседей, а обслуживать их, предварительно требуя открыть внутренние рынки для доступа британского капитала и продукции, что способствовало их развитию, особенно после революции 1848 г., когда буржуазия европейских стран получила доступ к политической власти. Количественный рост буржуазии и пролетариата, усложнение инфраструктуры и накапливаемый капитал способствовали непрерывной борьбе внутри британской элиты, лондонских пэров и

⁷ Третий радующийся, участник, выигрывающий от распри двух сторон.

фабрикантов провинций, следствием чего стало постепенное повышение уровня жизни всех городских сообществ. Подстегиваемый этими изменениями экономический рост переносил социальную борьбу из Британии на континент, придавая им необратимый характер.

Возможности различных сообществ по распространению влияния, накоплению богатства и достижению развития определялись политико-экономической географией их взаимодействия и внутренней социальной структурой. В основной части стран у власти находилась небольшая группа богатейших собственников, монополизировавших экономические и политические возможности сообществ и интересы которых контролировал лондонский Сити – одним из наиболее ярких примеров в этом отношении являлась Латинская Америка. Приведение азиатских сообществ под власть европейского капитализма привело Восток к социальному регрессу, а в Европе, наоборот, к прогрессу и обширной урбанизации, которая сопровождалась новым заселением континентов. Экономический бум 1850-1873 гг. сподвиг западные сообщества, как наиболее самостоятельные, к трансформации социальных структур и последующей их консолидации на более широких началах. Подстегиваемые бумом, США прошли гражданскую войну и объединились, выйдя к двум океанам. В континентальной Европе буржуазия и остальное население городов добивались все большего объема гражданских прав, под влиянием межгосударственной борьбы произошло объединение Италии и Германии. Российская империя от традиционной социальной структуры переходила к капиталистической трансформации.

Появились многочисленный «средний класс» и масса образованных людей, чьи политические представители в парламентах требовали большего участия в принятии решений и распределения большей доли общего дохода. С ростом объемов торговли и производства, увеличением скоростей и сжатием расстояний появились возможности для создания разомкнутых капиталистических сообществ на еще более обширных территориях, нежели Западная Европа. Такое сообщество сформировалось в Северной Америке. «Великая депрессия» 1873 – 1896 гг. (следствие чрезмерной конкуренции и перепроизводства) сопровождалась дефляцией⁸ и как следствие, хотя бедные не исчезли, но в Европе и США вещи стали доступнее. Вместе с ценами падали и прибыли буржуа, поэтому началось создание таких институциональных деловых объединений, которые могли бы блокировать существующую организацию рынка, сохранить поступающую прибыль и гарантировать политическую власть.

⁸ Дефляция того периода была обусловлена золотым стандартом фунта стерлингов как главной международной валюты и открытостью Британской экономики внешнему рынку.

В последней трети XIX в. машина капитализма в своем управляющем центре начала пресыщаться: активов, доступных и безопасных для британских деловых организаций было меньше, чем поступающего капитала. Внутри британского сообщества происходила неотвратимая дифференциация верхушки и всех остальных; дешевизна и доступность капитала и вещей скрашивали эту ситуацию, но структурная деформация уже произошла. Сообщества Франции, Германии, США, Италии, Австрии, Российской империи создавали свои группы деловых организаций, которые выступали как партнерами британцев, так и растущими конкурентами. В старых колониях появлялась своя массовая буржуазия, чьи продукция и услуги оттягивали на себя растущую часть мирового капитала. Решением политической конкуренции сообществ стала территориальная экспансия. Через финансовый истеблишмент лишний капитал поступал властной верхушке западных сообществ, и выросли новые огромные колониальные империи, чьи провинции были в самой малой степени включены в мировую экономику. Особенной выгоды эти мероприятия империализма никому не принесли, но заняли деньги и людей. Происходит формирование военно-политических блоков, и если в период территориального расширения британского капитализма его главным противником выступала Российская империя, то достижение институциональных пределов роста в главные противники вывел стремительно развивающуюся Германию. Хотя Германия и ее союзники заранее начали готовиться к большой войне на два фронта, спровоцировали ее страны Антанты, исходя из подавляющего превосходства в деньгах и ресурсах, справедливо полагаясь на будущий успех. Однако прямое столкновение европейцев в первой мировой войне подорвало могущество Британии.

Мир масс начала XX в. сформировал властные и деловые институты, действующие в пределах континентов и всего земного шара. Для создания крупных и богатых капиталом институтов требуются соответствующие юрисдикции. Если в Российской империи, в силу ее периферийного положения в мировой капиталистической экономике, индустриальный рост к 1914 г. перевел самые крупные активы в собственность французских, немецких и британских капиталистов, то США были способны остаться независимыми и стать в XX в. самым богатым сообществом. Колонизация территории США, торговые связи на Тихом и Атлантическом океанах, миграция населения из Европы и Азии, взаимная конкуренция социальных групп, финансовые и торговые связи олигархии сделали доходы сообщества достаточными, чтобы предъявить бесконечный спрос на продукцию и услуги. Закрывшись торговыми барьерами на вход, США открыли доступ к международным капиталам и были главными их получателями. Высокие нормы доходов сообщества привели к концентрации и консолидации значительных капиталов,

производительных и логистических возможностей у американской верхушки в пределах континента, а позже и всего мира. Европейские сообщества, разделившись по национальным юрисдикциям и политическим союзам, не смогли создать настолько же крупные деловые организации, а их рынки были не так богаты, как американский. В целом европейцы агрегировали гораздо больше и экономических, и политических возможностей, но предпочли их порушить во всеобщей войне. Оказываясь все более капитализированным по отношению к внешнему миру, американский истеблишмент присматривался и к более обширным формам экономического и политического контроля сообществ в целях собственной выгоды.

Обманчивая легкость ведения войн на бесконечные запасы ликвидности провоцировала европейскую и американскую элиты на передел рынков и политических юрисдикций. События первой трети XX в. оправдывали предсказание Маркса о затяжных кризисах и продолжительных войнах между капиталистами. Война разрушила мировой рынок, чьи управляющие институты находились в лондонском Сити, региональные и национальные экономики так и не открылись. С другой стороны, появились организационные и технологические возможности централизации в рамках национальных экономик, управление которыми консолидировалось крупнейшими частными капиталами и их деловыми организациями вместе с верхушкой государственной бюрократии. «Государственный капитализм», сложившийся в западных странах в первую мировую войну – это частное управление экономикой сообщества посредством государства. Центральное капиталистическое планирование выглядело как бы естественным продолжением монополий, картелей и трестов начала века, будучи еще одной формой «амальгамации капиталов». И если политическое оформление централизации выглядело как «восстание масс», то экономический аспект этого процесса никогда не выходил из-под контроля крупного капитала.

3.2 Анализ динамики образования сообщества

Как известно, социальная эволюция сложна и труднообъяснима. Помогают нам в этом несколько приемов мышления, которые мы используем, как правило, не для того, чтобы понять наш мир, но для того, чтобы понять себя в этом мире. Обычно люди верят в то, что у эволюции и исторического процесса есть некая предзаданная цель, к реализации которой они стремятся. Когда цель будет достигнута, история кончится. Естественно, воплощением такой цели люди видят себя, причем не абстрактно, а со всеми культурными содержаниями и институциональной организацией. Невозможность ее достижения вынуждает заниматься повседневной эсхатологией. Мы такими вещами заниматься не

будем. Мы скажем так: способы социального взаимодействия предполагают один и тот же набор отношений для каждого из человеческих сообществ, однако комбинация этих отношений различается в зависимости от условий коммуникации, что и определяет организацию институтов и скорость течения процессов. С «точки зрения» мирового сообщества как популяции *homo sapiens* совершенно безразлично, какой народ, государство или культура выживают и погибают и какие содержания люди вкладывают в ход этих событий. По причине отсутствия у эволюции предзаданной цели, ей не приходится проходить какие-то обязательные или исключительные стадии, которые приписывают то организации труда, то развитию техники, то степени свободы. Ввиду различий между сообществами стадии искривляются, обрастают исключениями, а их описания – тавтологией. В результате понимание организации общества остается для науки столь же недоступным, как и объяснение того, почему у людей болит голова.

Условием конкретной социальной организации является ее размещение в пространстве. Так случилось, что у нашей планеты есть определенные размеры и форма, как есть они у ее поверхности, будь то влага или твердь. Люди, как биологические существа, непосредственно зависят от местности, в которой находятся. Как существа социальные, свои сообщества и структуру отношений они выстраивают, реагируя на географию природы и на себя в этой географии. Размещение континентов и деление климатических поясов повлияли на распространение и селекцию растений и животных, предопределив тем самым последующие практики хозяйствования.⁹ Однако, несмотря на различия культур и условий проживания, способы социального взаимодействия обнаруживают удивительную повторяемость, различаясь лишь композицией конкретных отношений. Племена первобытных собирателей были дисперсно расселены по земной поверхности и только в исключительных случаях создавали скученные сообщества. Изменение климата, начавшееся в VIII тыс. до н.э., заставило людей от практики управления настоящим обратиться к управлению будущим, произвести необходимые плоды и построить социальную иерархию. Вследствие примитивной организации хозяйственных практик, первые хлеборобы еще кочевали, сводя на нет плодородный слой почвы, но обретали в ходе перемещений по климатическим регионам опыт земледелия и взаимодействия с другими сообществами.¹⁰

Уже во времена собирателей человечество представляло собой локальные сообщества, соединенные сетью торговых и даровых обменов. Эти цепочки коммуникации были непрямыми, и вещи перебирались от одного племени к другому в

⁹ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. – М.: АСТ, 2009 г. С. 223.

¹⁰ Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников // "Природа", 1972, № 4, С. 44-52.

зависимости от ситуации. В случае, если племена собирателей устанавливали между собой постоянный и целенаправленный обмен (а не только даровое позиционирование), появившийся рынок увеличивал население, сообщества становились иерархическими, порою с довольно сложным функциональным делением.¹¹ Управление будущим сделало иерархию, скученность и целенаправленный обмен постоянными факторами, а цивилизация представляла собой, как и сейчас, плотные скопления тел на ограниченной территории и расходящиеся нити контактов. В период неолита грубые орудия сменяются сложной обработкой, что свидетельствует о кумулятивном накоплении знаний и возросшем обмене иерархических сообществ. Открытие и добыча металлов позволяет сейчас судить о протяженности контактов, складывавших целые металлургические провинции со схожими региональными приемами обработки.¹² В свою очередь, когда цепочки контактов прерывались, сообщества нередко регрессировали, либо меняли территорию проживания. Недаром шумеры и арии появляются в истории уже с полным набором оседлого хозяйствования, иерархической структурой и длительной историей миграции за плечами.

Если первым пространственным фактором являлась экологическая ниша существования сообществ и вариативность природных видов, то вторым стало расположение сообществ относительно друг друга. Первые сообщества нередко гибли вследствие перепадов климата, но другие создавали все заново. Чем больше контактов сообщество могло устанавливать со своими соседями, тем быстрее шел процесс его дифференциации, а культура создавала все более рафинированные содержания. Если сообщества оказывались сопоставимыми по уровню социального развития, как на Ближнем Востоке, в Средиземноморье или Индии, их эволюция приводила к взаимному обогащению и разнообразию социальных режимов и культур. Окруженное племенами с более простой структурой организации, иерархичное сообщество их ассимилировало, как в Китае. Практики землепользования, обработки ресурсов и торгового обмена вели к созданию социальной ниши для увеличения населения. В свою очередь, высокая плотность контактов вела к увеличению скорости социального времени, поэтому третьим пространственным фактором любой социальной организации является величина и плотность населения. Находясь в средоточии контактов, сообщество изменялось и

¹¹ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2008 г., С. 189.

¹² Черных Е.Н. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции//Античная балканистика. М., 1987; Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: Институт археологии РАН, 2000.

развивалось быстрее; будучи их лишенными – воспроизводило свою социальную структуру, не деформированную ни внешним воздействием, ни внутренней конкуренцией.

Регулярность контактов между иерархическими сообществами и повышение плотности населения привели к тому, что процесс цивилизации принял самоподдерживающийся характер. Четвертым условием социальной организации является институциональное воздействие окружающих сообществ и их способность удерживать определенные форматы отношений длительное время. Торговый обмен и захват рабов создавали контакты первобытных собирателей с иерархическими цивилизациями. Первобытные племена включались в процесс цивилизации, и уже внутри этих коллективов запускались иерархия и статусное возвышение групп, причастных к управлению обществом. При наличии активов, пользующихся спросом у соседей, сообщества выстраивали отношения, направленные на долговременные контакты, при этом каждый стремился в общей системе коммуникации нарастить свои преимущества (контроль выгодных территорий, торговых путей и легитимных договоренностей) и ограничить возможности остальных участников. Недостаток активов или возможностей транзита заставляли вчерашних собирателей отправляться в набеги, как только их верхушка завладевала максимумом общего имущества. Сами внешние контакты были необходимы для того, чтобы поддерживать стабильность неравной внутренней структуры сообществ. Потребность верхушки в дополнительных активах для их последующего распределения и поддержания жизнеспособности сообщества усложняло социальную структуру и вызвало появление государства как организации распределенной и централизованной власти. Одновременно с властью приходит капитал, агрегируя и направляя активы и насилие в сторону управляемых отношений между сообществами.

Возникновение государства, помимо всего прочего, являлось реакцией на природную недостаточность территории проживания сообщества. В областях, пригодных к проживанию, совмещающих множество постоянных контактов, но недостаточных для прокормления, государства возникли гораздо раньше, нежели в других местах. Знаменитое плодородие Нила и Междуречья стало таковым только с организацией сложной системы управления и производства. Там, где природа была щедра и доступна, как в Южной Индии, Индокитае, Юго-Восточной Азии, иерархизированная, но догосударственная, уравнительная структура сообществ сохранялась на несколько тысячелетий дольше, чем на Ближнем Востоке и Средиземноморье. Избыточность ресурсов делала государство, сложные формы центрации и распределения ненужными даже с учетом роста населения.

Иерархичные сообщества ввели целенаправленный обмен на дальние расстояния в качестве постоянной практики, и потому можно уверенно утверждать наличие взаимосвязанной, но децентрализованной системы отношений¹³, благодаря которой сообщества могли влиять друг на друга не только путем военных вторжений, но и экономической экспансией, а также посредством изменения внутренней социальной структуры. То, что торговля велась в основном дорогими вещами (роскошью или редкими металлами), никак не принижает ее значения. Средства обмена обладали высокой стоимостью, а их создание требовало разделения труда, так что сам факт обмена концентрировал профессиональные контакты и вызывал социальную дифференциацию внутри и между сообществами. Другое дело, что бедность большинства населения и отсутствие массового спроса превращали капитал в монополизированную ренту высшей страты, которая их использовала в политических целях демонстрации статуса и содержания военных сил, поддерживавших власть. Впрочем, как только возникала подходящая возможность, обладатели сокровищ демонстрировали вполне современную хозяйственную хватку и политическую дальновидность.

Социальная эволюция, как следствие, была неравной, но это неравенство было обусловлено факторами, никак не относящимися к культурным содержаниям, особенностям духа, разума или самосознания народов. Возможность многочисленных контактов и необходимость производства вели к более быстрой эволюции, тогда как отсутствие контактов (как у народов Северной Сибири) или возможность жить с природной ренты (в Юго-Восточной Азии, Тропической Африке) консервировали отношения. Показательно сравнение афро-евразийских сообществ, поддерживавших постоянные контакты друг с другом, и американских, каждая цивилизация которых начинала все заново. Первая американская цивилизация норте-чико в Перу появилась одновременно с египтянами в III тыс. до н.э., следующая, ольмеки в Мексике, уже только во II тыс. до н.э. После гибели норте-чико в XVIII в. до н.э. следующая культура в Перу появится только в I в. н.э. Что характерно, социальная организация американских сообществ очень напоминала древний мир Евразии и Северной Африки, так же закончившись эпохой обширных империй, но на тысячу лет позже.

С усложнением практик коммуникации появляются высшие и низшие статусы социальных ролей, а торговый обмен ускорил превращение общего имущества в частное. Статусная и экономическая дифференциация изменила политическое позиционирование групп внутри сообществ, значительно усилив позиции управляющих институтами управления и богатейших собственников. Однако, *pactum subjectionis* (договор о

¹³ Frank A.G., Gills B. K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? Routledge, 1996.

подчинении)¹⁴, предполагал *pactum societatis* (договор об общности).¹⁵ Договор заключается в том, что статус индивида зависит от готовности сообщества принимать его в этой роли. Люди того времени уже отлично понимали выгоды и трудности каждой из социальных позиций в институциональной конструкции сообщества, и при случае немедленно ими пользовались. Верхушка до тех пор занимала свое положение, пока ее заботами соблюдались интересы и обеспечивалась ресурсами остальная часть коллектива. Лишение активов вследствие плохого управления или эгоистичного присвоения заставляло сообщество менять управленцев, изгоняя или убивая последних. Согласие населения делиться имуществом и доходами с верхушкой основывалось на том, что она будет поддерживать привычное социальное существование, а им являлась низкая степень динамики и редкие контакты. Тот же сговор присутствовал среди верхушки. В связи с этим обыкновением состоянием социальной организации был институционально поддерживаемый гомеостаз, получивший в литературе название «традиционного общества».

Управленитет традиционного общества предполагал, исходно, коллективную собственность основных активов, добываемых обменом и производством. Дальнейшая его трансформация в связи с увеличением контактов и усложнением практик вела к тому, что обмениваемые товары становились частными, а основной актив (земля) уходил в собственность аристократии. Поскольку большинство сообществ были аграрными, и внутри сельских общин порядок был направлен на принудительное равенство, договор между ними и любыми властными организациями заключался в коллективном распоряжении основными активами в обмен на ренту или труд. Небольшие размеры сообществ, относительная редкость контактов, коллективная собственность на основные активы делали постоянный административный контроль или взращивание рынка на обширных территориях невозможными. Поэтому первой и с тех пор основной формой политико-экономического управления сообществами стала монополия на насилие и причитающаяся с нее рента в пользу верхушки иерархии.¹⁶

¹⁴ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001. С. 68.

¹⁵ Bobbio N. Thomas Hobbes and the natural law tradition. The University of Chicago Press, Chicago. 1993. P.48. Если мы принимаем мысль о том, что любой институт, включая государство, есть институт общественный, - эти два договора (*subjectionis* и *societatis*) делают разделение права на естественное и позитивное частным случаем социальной коммуникации. Социетальная форма жизни так же естественна, как и исходная «война всех против всех». Это просто другая форма естества, для которой и предназначены гоббсовские законы. Основания каждого из договоров лежат одно в другом. Люди подчиняются, поскольку это необходимо для сохранения общности, но и общность существует постольку, поскольку люди соглашаются подчиняться. Источник права – в самой социетальной жизни, но формулировка этого права непосредственно зависит от того, какие институциональные формы примет эта жизнь.

¹⁶ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009, С. 42.

С увеличением количества тел, контактов и создаваемых продуктов проникновение институциональной власти в жизнь сообществ сопровождалось одновременным созданием административного аппарата управления в то время как рынок и дифференциация переводили все большую долю имущества в частную собственность аристократии. Нестабильность рынка и нужда в дорогой политической показухе заставляли крупнейших частных собственников перекачивать чрезмерный объем общественных средств и сил. В самой примитивной форме управление было рассредоточенным среди множества локальных полузависимых сообществ. Они дробились и концентрировались, и вариации распределения активов непосредственно сказывались на дееспособности государства. Дальнейшая централизация властных институций ради поддержания предсказуемых и приемлемых отношений отдавала основную долю активов в распоряжение государственной бюрократии. Так и жизнь сообществ была стабильней, и частные лица из верхушки ограничивались во власти. Устойчивость отношений сообщества позволяла людям адаптироваться к событиям, даже если пресс власти выдавливал из сообщества максимальный объем доходов.

Традиционное общество, первый модус управления будущим, осваивало коммуникацию, изменяя мир вокруг себя и себя в этом мире, но оно не стремилось к изменениям. Залогом поддержки сообщества всегда был статичный характер его институциональных отношений. Типичный ответ на нестабильность социальной структуры заключался в родовом закреплении статуса индивида или группы, что проявилось если не во всех, то в абсолютном большинстве сообществ, каждое из которых таким образом защищало социальный режим и людей от рискованных перемен. Родовой статус – ни что иное как форма монополии, закреплённая между определенными группами людей и социальными секторами. Другой общепринятый способ заключался в старательном отделении власти от капитала, причем под властью здесь нужно понимать не только государство или элиту, но и власть локальных сообществ, средней и нижней страт, которые существуют посредством взаимного признания отношений собственности, найма, долга и подчинения. То есть, целью традиционного общества являлось поддержание статичного институционального порядка, в котором спонтанное расширение власти отдельных индивидов, групп, организаций всегда и последовательно ограничивается в пользу остального сообщества. Проблемой для управляющих институций была нестабильность коммуникации. Сообщества, элиты до тех пор участвовали в создании и поддержании общей юрисдикции, пока на ее территории сохранялись необходимые экономические отношения и социальная организация. Потеря государством или крупнейшими собственниками возможностей для поддержания

коммуникации немедленно порождало раздробленность власти и обращало сообщества в сепаратистов по вере или крови.

Расширение коммуникации сообществ породило разделение труда, сначала в рамках коллективной организации, а затем и частной, внутри сообществ и между ними. Появление у аристократов частных активов вызвало к жизни наемный труд и сферу услуг. Места концентрации контактов с необходимостью наполнялись трудом и обменом, по происхождению и по найму, и если основного капитала в городах могло не хватать, то оборотный капитал возмещал нехватку с лихвой: с необходимостью урбанизация сопровождалась расширением сетей коммуникации. Отличие города от села в том и заключается, что доля лиц, живущих с разделения местного и чужого труда, превосходит в нем тех, кто живет замкнутыми отношениями. Город выигрывал перед деревней совокупным количеством отношений, в которых находился, используя их для перемещения, центрации и распределения активов и средств обмена. Агрегирование контактов и разнообразие связей повышали не только количество продукции и услуг, но также их стоимость. В итоге отношения «центр-периферия» между сообществами и территориями оказались так же стары, как сама человеческая цивилизация. Внутри города омассовление частной жизни, труда и активов шло быстрее и так же сопровождалось дифференциацией и концентрацией.

Там, где коммуникация множилась, статусы отчуждались от своих носителей, производились, обменивались и отнимались. Капиталистическое общество, второй модус управления будущим, вынуждено подчинить социальную иерархию и ценность труда накоплению меновых стоимостей, что целенаправленно деформирует уравнительную структуру через изменение социальных позиций участников. Социальная структура таких сообществ трансформировалась, статусы получали динамику, что, впрочем, мало кого радовало. Сообщество становилось капиталистическим, если зависимость от динамики внешних и внутренних связей оставалась критически высокой, и члены сообщества получали возможность соединять свои частные и групповые интересы, активы и капиталы как внутри своего сообщества, так и вовне. Поскольку жизнь территориальных сообществ далеко не всегда удовлетворяет названным условиям, капитализм как принцип организации исповедовали в основном профессиональные сообщества торговцев и крупных производителей, чьи объединения и сети были экстерриториальными и мало влияли на государственные институты. Территориальные капиталистические сообщества возникли вместе с первыми торговыми государствами, и все же, зачастую демонстрируя чудеса организации социальных структур, рано или поздно, пройдя ряд трансформаций, неизменно регрессировали к более простым формам.

Развитие традиционного сообщества в более сложные институциональные формы: аристократию, государственную бюрократию или обретение капиталистической организации происходило за счет размыкания предшествовавшей системы отношений и создания новых институциональных форм. Степень интенсивности контактов в ходе этого процесса менялась. Из замкнутого состояния коммуникация сообщества переходила в разомкнутое.¹⁷ Замкнутое состояние сообщества – это «нормальное», обычное и привычное для большинства людей и организаций состояние коммуникации. Относительная редкость или дисперсность контактов, ничтожность или неликвидность активов – вот главные условия замкнутой структуры организации, которая является самой распространенной и среди современных сообществ. Замкнутое и разомкнутое состояния общества не являются противоположными, качественно отличными формами организации. Это лишь разные степени интенсивности коммуникации, но различия в интенсивности ведут к различиям в результатах. Отличить присутствие разомкнутого типа организации общества от замкнутого в истории достаточно просто: именно при нем мы можем наблюдать взрывной рост коммуникации, обмена, производства, урбанизации и утонченной культуры.

Разомкнутое сообщество целенаправленно изменяет мир вокруг себя и себя в этом мире, реагируя на обстоятельства коммуникации. Прежде всего размыкание касается свободного занятия экономической деятельностью и возможности включения в управление сообществом. Достижение разомкнутого состояния было возможно в том случае, если под воздействием внешних факторов внутри элиты сообщества устанавливался политический пат, и ни одна из сторон не могла надолго подавить другую. Невозможность односторонней монополизации социальных связей, капитала и власти заставляла сообщества включать друг друга в сферу взаимодействия и создавать взаимоприемлемые институциональные структуры управления. Эта взаимоприемлемость является порядком многосторонней секторальной монополизации политико-

¹⁷ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Издательство Института Гайдара. 2011. В концепции Д. Норта и его соавторов эта схема формулируется, исходя из двух типов социально-политической организации: «естественное состояние» и «открытый доступ к ресурсам». Первый тип предполагает политически организуемое преграждение доступа к ресурсам, что создает ренту, необходимую для поддержания стабильности, но замедляющую развитие. Открытый и равноправный доступ к политической и экономической деятельности, второй тип, получил развитие в западных странах. Социальный порядок здесь поддерживается не созданием ренты, а конкуренцией, и это превращение является стержнем новой и новейшей истории. Развитие институциональной теории можно только приветствовать, но апология собственного институционального порядка ей все же присуща, во многом вследствие того, что она фокусируется на описании отдельных институтов отдельных сообществ, оставляя без внимания систему их взаимной коммуникации. Без этого дилемма неравного развития все еще напоминает Ахилла и черепаху, ибо непонятно, как же неразвитым сообществам превратиться в развитые. Это тем более важно, что, хотя западные сообщества конкурентны, их элиты так же живут рентой и старательно контролируют ее, так что наличие в развитых сообществах конкуренции объясняет не так уж многое.

экономических отношений разными социальными группами. Монополия фиксирует социальную динамику, и потому не только элиты стремятся поддерживать монополию своих позиций, но и остальные группы заинтересованы в монополизации тех отношений, в которых находятся и которые связаны с различными уровнями социальной иерархии в политике и экономике. Рабочие и служащие хотят большей зарплаты, мелкие буржуа – защиты от конкуренции с гигантами бизнеса; вместе средним и нижним социальным стратам нужен периодический доступ к власти для корректировки институциональной структуры в свою пользу. Эти группы разных уровней иерархии отнюдь не самотождественны и всегда состоят из конкурирующих и союзнических группировок, создаваемых движением конъюнктуры. Поэтому они, даже получив свою долю социальной монополии, остаются зависимыми от институционального контроля элит.

Появление и рост стоимостей, многочисленных потребностей и услуг рождало насыщенную и диверсифицированную коммуникацию возрастающей отдачи.¹⁸ Разомкнутое сообщество обеспечивает возможности для экономической и политической реализации себя индивидами и группами на всех уровнях социальной иерархии, сообразно с характером общественного договора. Однако такое состояние коммуникации исторически всегда являлось временным. Любая трансформация происходит, когда институциональная структура отношений приходит к пределам расширения и роста – образованная новая система отношений, разомкнутая в том числе, также находит свой предел. Неравномерная дифференциация естественным образом создает локальные концентрации капитала и власти, которые, увеличиваясь, снижают риск неуправляемой динамики, но, став чрезмерными, подавляют эту динамику в принципе. Процесс концентрации дифференцированных активов и связующих отношений в неравных социальных условиях приводит к разрушению монополий зависимых групп и ломает прежде фиксированный институциональный порядок. В случае невозможности, отсутствия необходимости для сообщества менять институциональную структуру, она перестает поддерживать высокую динамику и контактность участников – сообщество переходит в замкнутое состояние. В разомкнутом состоянии рост и расширение затрагивают все сообщество, тогда как в замкнутом рост одних происходит за счет разорения других.

Несмотря на различия в институциональной политике, традиционный и капиталистический типы организации сообщества в этой интриге роста и падения обладают сходством, вызванное одновременным ходом процессов дифференциации и

¹⁸ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 82 – 84, 104.

концентрации. Как в урбанизированных сообществах, богатых частным и государственным капиталом, так и в традиционных, но затронутых воздействием рынка, экономическая дифференциация и независимость от решений власти позволяла верхушке расширять свои активы за счет остальных, даже не прилагая для этого специальных усилий (но и не противясь), после чего государство лишалось налогооблагаемой базы и становилось бессильным. Поддержание гегемонии государственной власти требовало снижения социальных издержек, таких как приватизация и неравномерное распределение активов. Поддержание средней и нижней страт общества, борьба с односторонними экономическими и властными монополиями, чрезмерной концентрацией активов приводили к расширению объемов рынка и обращающихся на нем стоимостей.¹⁹ Это включало сообщества в обмен, производство и культурное общение, расширяло урбанизацию и взаимодействие территорий. Однако итогом такого роста было увеличение влияния крупных и концентрированных активов и капиталов; рано или поздно они поглощали свободные сообщества со всем их имуществом. Если военная, экономическая экспансия или колонизация, как пути решения проблемы, оказывались невозможны, происходило разрушение институциональной структуры сообщества, а государство переживало период полураспада и теряло власть, которая переходила к отдельным представителям верхней социальной страты.

В случае полного исчезновения государственных институций сообщество становилось уязвимым для вторжений извне, но при их сохранении верхушка оставалась в относительной политической и экономической неприкосновенности в пределах общей юрисдикции. Несмотря на атрибутивные различия в профессиональных занятиях, практиках и нормах, не было большой разницы в том, какими средствами верхушка сообщества воздействовала на его социальную структуру, капиталом или властью, поскольку эти локальные скопления капитала и власти в любом случае деформировали

¹⁹ К. Поланьи приложил немало усилий, чтобы развенчать представления о рыночной природе древних цивилизаций, исходя из предположения, что эти сообщества пользовались исключительно распределением и выводя отсюда два разных пути институционализации отношений: свободный рынок Запада и распределяющее государство Востока. Нюанс в том, что одновременно он пытался доказать, что и свободного рынка, как такового, нет, это теоретическая абстракция, и организация рынка возможна только в ограничивающих социальных и политических институциональных условиях. Продолжение этой мысли должно также вести и к выводу о невозможности полностью тоталитарного общества, поскольку отношения людей так или иначе включают обмен. Следовательно, разделение сообществ на свободнорыночные и распределительные невозможно, можно лишь говорить о большей или меньшей роли обмена и распределения, усилении или ослаблении роли буржуазии и бюрократии, которые одновременно используют и обмен, и распределение. Однако замечания Поланьи о различных ограничениях, налагаемых в древности на рынок, вполне справедливы, поскольку централизация доходов, активов и власти сдерживала дифференциацию и вместе с социальной стабильностью сохраняла привилегии правящих групп. Что касается рынка, то противопоставлять его социальной сфере нелепо, так как конкуренция выполняет социальную функцию обмена снижением цен. Разрушительным рынок становится, когда одни участники становятся совершенно неконкурентоспособными, что достигается их социальным исключением из системы взаимосвязей и, наоборот, монополизацией отношений другими участниками.

институты сообщества и создавали новую систему отношений. Роль и влияние землевладельцев, бюрократов и капиталистов зависели от тех возможностей, обязательств и рисков, которые предоставляли внутренние и внешние связи коммуникации, которые нельзя было игнорировать. В равной мере, в общей экономике и политике они создавали разомкнутые и замкнутые сообщества и регрессировали к примитивным формам, когда обстоятельства оказывались плачевны.

Если отвлечься от деталей атрибутов, присущих конкретным занятиям, инверсия отношений сообществ и групп покажет циклическую динамику. Все они сравнительно успешно управляли сообществами и направляли институциональную структуру на выполнение необходимых действий, если коммуникативная среда подталкивала их к этому. И также успешно, независимо от рода занятий и убеждений, они присваивали себе, формально и по факту, максимум общественных активов и деформировали институциональную структуру сообщества. Точнее сказать, что эту деформацию вызывало воздействие дифференциации и концентрации основных активов и власти, тогда как конкретные люди являлись лишь исполнителями объективных процессов структуризации отношений. Пусть не было разницы в том, какими средствами верхушка воздействовала на социальную структуру, но была разница в том, как она распоряжалась, организовывала, направляла получаемые власть и активы, превращались они в монопольную ренту или создавали новые формы организации и включения участников.

Условия, в которых пути развития сообществ круто меняли свой путь, заключались в достижении институциональных пределов роста, то есть, невозможности бесконечного расширения территориального влияния экономических и политических организаций, увеличения численности и доходов населения, накопления и концентрации активов в конечной институциональной структуре. Несмотря на различия в последовательности локальных процессов, можно выделить общий инвариант развития событий, воздействовавших на традиционные и капиталистические сообщества. В слабо урбанизированных сообществах кратковременное расширение коммуникации и общий экономический рост приводил к чрезмерной концентрации земельных активов в руках местной и общеимперской верхушки, властной и торговой аристократии. Следствием было замыкание сообществ, выход территорий из общего рынка и попытки политического сепаратизма, которые нередко приводили к развалу государства. Зависимость власти от лояльности верхней страты общества не позволяла осуществить перераспределение активов, а территориальное расширение сталкивалось с трудностями устойчивого управления чрезмерно протяженных пространств.

В урбанизированных сообществах с высокой социальной динамикой, где от рынка зависела большая часть населения, эта же ситуация дифференцированной концентрации представлена тенденцией прибыли к понижению и стремлением деловых организаций к монополии: выравнивание прибылей приносит нарастающую конкуренцию, которая заканчивается монополией (олигополией). Происходя на множестве рынков, этот процесс требовал институциональных изменений, поскольку доходы концентрировались среди немногих участников, тогда как остальные получали расходы. Разрушив прежний порядок, односторонняя монополия резко снижала и уровень социальной динамики, и степень насыщенности отношений коммуникации, сохраняя исключительное положение элит за счет всего остального общества. Если институциональная структура не менялась, события принимали совсем дурной оборот – архаизация отношений сопровождалась мучительными социальными бедствиями: безработицей, обнищанием, голодом и столкновениями вплоть до гражданских войн. Большая плотность связей, по сравнению с традиционными обществами, позволяла сохранить территориальную целостность государства, но уровень развития социальной системы существенно снижался. Городские сообщества империй древности и средневековья становились аграрными, разделение труда и капитала «среднего класса» сменялось латифундиями немногочисленной верхушки. В Новое Время и современности, в связи с ростом взаимосвязей сообществ, социальные издержки достижения институциональных пределов снижались, но политическая и экономическая экспансия каждого из гегемонов в таких случаях прекращалась, а влияние их сообществ сворачивалось.²⁰ Одновременно исчезал выстроенный ими институциональный порядок: периферия необратимо изменялась, а бывший лидер был уже не в состоянии ее контролировать.

Доминирование крупного частного капитала над государственной властью и целенаправленное поддержание зависимости власти от капитала, выросшее в разветвленные институциональные формы, позволило в наше время не переводить капитал в случае его перенакопления в земельные и другие материальные активы, а превратить в свободные «потoki» финансовой коммуникации, независимой от решений локальной институциональной власти. В такие годы банкиры начинают править миром, в особенности те, кто способен влиять на принятие властных решений. Однако эти потоки, чрезмерно концентрируясь, снижают производительность социальной системы. Чрезмерная концентрация капитала в одной части системы приводит к цепной реакции концентрации такого типа. Когда наиболее крупные капиталистические организации,

²⁰ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. С. 99 – 103.

государства и сообщества производят с собой такую процедуру, они, концентрируя капитал, уходя от конкуренции, наращивая доходы и политическую власть, заставляют остальных участников проделывать то же самое, и капитал накапливается быстрее, чем социальная система успевает создать ему приложений. Одна часть общества страдает от нехватки мест для инвестиций, другая от нехватки необходимого капитала. Попытки адаптации всех участников к изменениям трансформируют старую институциональную систему, как правило, начиная с наименее устойчивых сообществ, но эти изменения захватывают всех. Капитал настолько расширяется, а возможности институционального контроля со стороны гегемона становятся настолько ограниченными или неопределенными, что затраты в виде войн, долгов, непроизводительных трат становятся совершенно непропорциональными и приводят к крушению гегемонической структуры.²¹

3.3 Определение способа формализации социальных отношений

Чередование периодов высокой активности сообществ и периодов затухания взаимодействий; военных распрей, связанных с разрушением существующих институциональных структур, и мирного сотрудничества, в пределах выстроенных отношений и легитимных юрисдикций, – давно представляют интерес для квалифицированных любителей. Теории возвышения и падения цивилизаций в буквальном смысле стары, как мир.²² В деле познания социальной эволюции одной из типичных идей считается теория циклов, представление о некоей пульсации взаимосвязей сообществ, которая попеременно активизирует или угнетает деятельность и контакты. На сегодняшний день есть два основных направления изучения этой пульсации: циклы политической активности (периоды крупных войн, гегемонии, процветания империй) и волны экономической активности (повышение и понижение цен и прибылей). И в том, и в другом случае источник активности признается слишком сложным для определения и разбегается по разным сферам социальной жизни.

Экономические изменения состоят из волн разной длины, колебания которых, будучи относительно равномерными, периодически накладываются друг на друга и разбегаются, образуя скачкообразный рост и падение.²³ В разное время эффект наложения волн вызывает экономический бум или депрессию, сопровождающиеся колебаниями

²¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 48 – 49.

²² Одним из самых распространенных представлений о причинах экспансии и падения цивилизаций является идея о совершенствовании оружия, например, один из лучших образцов: Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI – XX веках. – М.: Территория будущего, 2008; а также целая армия других теоретиков, неплохо разбирающихся в оружии, но забывающих об институциональной коммуникации сообществ, без которой любое оружие теряет смысл.

²³ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. С. 370 – 371, 374.

меньшего характера. Все эти колебания идут относительно равномерно, но их связь с жизнью сообщества до сих пор условна, поскольку в качестве реальной причины включают все его проявления, которые связаны не только экономически, но и политически. В свою очередь, помимо равномерных экономических волн, были выделены циклы политической активности сообществ, которые, однако, равномерными не являются, но состоят из повторяющихся процессов разбухания и крушения империй или гегемонов. Одни теории отсчитывают циклы с самого начала цивилизации и отмечают промежутки в сто, триста, пятьсот лет²⁴, хотя, несомненно, за такое время мы найдем одновременно как процветающие, так и угасающие сообщества. Другие смещают циклы из экономики в область военной политики²⁵ или демографии²⁶ – в последнем случае в таком поведении сообществ видят реализацию абстрактной теории Мальтуса о народонаселении: сообщество расширяется до тех пор, пока не заканчивается еда, попутно производя чрезмерное количество элит, которым не достается своей доли общего пирога. К этим периодически повторяющимся событиям применимы математические расчеты, что, безусловно, имеет большое значение, но математика не сделает абстракцию реальным законом.²⁷

Многочисленные теории сходятся в одном: и равномерные волны, и неравномерные циклы имеют общий источник, поскольку в повседневной жизни все сферы деятельности взаимосвязаны и с необходимостью реагируют друг на друга.²⁸ Накладываясь друг на друга, чередования активности формируют сложные структуры отношений и институтов, так что было бы нелишним знать, как эта активность возбуждается. Волны и циклы размещаются не только во времени, но и в пространстве, и это социальное пространство, созданное сообществом. Социальное пространство создается отношениями людей как индивидов, групп и организаций, оно зависит от

²⁴ Frank A.G., Gills B. K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? P. 3.

²⁵ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers, New York: Vintage Books, 1987; Goldstein J. S. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven: Yale University Press, 1988.

²⁶ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. University of California Press, 1993; Малков С. Ю., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. История и математика: макроисторическая динамика общества и государства – М.: КомКнига/URSS, 2007.

²⁷ Проблема интерпретации математического познания истории очень важна ввиду того, что результаты здесь гарантируются не математикой, а методологией рассуждения. Создавая теорию народонаселения, Т. Мальтус был побуждаем самыми возвышенными чувствами, но строго говоря, она имеет самое ограниченное применение. Разрушение сообщества от перенаселения и недостатка пропитания может случиться либо в связи с примитивной организацией на замкнутых территориях, либо в случае, если социально-экономические возможности сообщества целенаправленно подавлены (голод в Британской Индии XIX в. и в СССР XX в.). Мальтус применим для отношений убывающей отдачи, характерной для экстенсивного роста сельского хозяйства. В остальных случаях люди всегда оказываются способны обеспечить себя хотя бы в минимальной степени за счет рынка, разделения труда и распределения доходов. Причины деформации социальных институтов необходимо искать в процессах коммуникации, а не в формальном количестве голодных бессловесных тел.

²⁸ Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. – М.: Международные отношения, 1989. С. 253 – 254.

контактности участников, их возможностей и ограничений. Это означает, что колебания экономических волн и политических циклов должны быть связаны с организацией отношений сообществ, изменения которых являются реакцией как на политические действия друг друга, так и на экономические колебания. Равномерность волн, по всей видимости, вызывается зависимостью экономических организаций перед конъюнктурой рынка и динамикой капитала. Неравномерность циклов политической активности, в таком случае, должна быть связана с устойчивостью властных институтов, которые, при наличии поддержки сообщества, даже в состоянии банкротства способны оказывать сопротивление переменам.

Спонтанное появление новых кластеров институциональной организации сообществ, являясь реакцией на изменение экономической конъюнктуры и политических процессов, сопровождается изменениями в конфигурации власти, удерживающей отношения сообществ в нужной форме. Эта власть носит не только политический, но и экономический характер и присутствует не только в виде средств устрашения, но и средств организации. В этом пункте соединяются власть и капитал, представляя пространственно разнесенными скоплениями сообществ, их неравномерным институциональным влиянием и богатством.²⁹ Циклы активности – это процессы взаимовлияния сообществ, образующих совместное пространство коммуникации. Умножение контактов и расцвет многочисленных связей в одних сообществах неизбежно влекло за собой цепную реакцию изменений среди остальных участников и распространяло процессы социальной дифференциации. Регресс и деградация отношений, порою вследствие военных действий, но в основном за счет монополизации отношений и концентрации активов сужали экономическое и политическое пространства сообществ и так же влекли за собой распад цепочек контактов и сложных институций. Колебания цен³⁰, а равно и колебания климата³¹, безусловно, оказывали влияние на общество, но реакция на эти события зависела от структуры социальных взаимосвязей цивилизации.

Такая модель циклического развития предполагает включение всех постоянно экономических и политических значимых факторов в общую систему коммуникации во времени и пространстве в виде реакции сообществ на конъюнктуру и структуру организации отношений. Объяснив, как социальная организация влияет на коммуникацию, мы найдем условия подъема и понижения активности контактов.

²⁹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 54.

³⁰ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. – М.: Весь Мир, 2007. С. 52 – 58.

³¹ Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. — Ленинград: Гидрометеиздат, 1971; Клименко В.В. Климат и история// "Восток", 2000, №1.

Возможности сообществ, их ограничения, структура предстанут в виде упорядоченных процессов, и, зная исторический опыт, анализ современности и будущего будет точнее. Оценка и анализ фаз подъема и падения активности сообществ в таком случае должна основываться не на их уникальности, а на их повторяемости и выделении новых направлений коммуникации, отличных по отношению к повторяющимся процессам. Анализ уникального содержания каждой экономической волны или политического цикла обязан своим появлением тому, что, несмотря на выделение наукой отдельных процессов, типа перетекания капитала, развития знаний и техники, формирования центров власти, - их объединения в общей теории не происходит. Для каждого из содержаний предполагаются отдельные онтологические основания и некий «главный» смысл, в роли которого обычно выступает социальная функция или этическая ценность. Соответственно и общий анализ колебаний такого разделенного общества невозможен. Проблема в том, что если принять уникальность каждого отдельного колебания, то и сама теория фаз, волн, циклов, колебаний не нужна.

Отношением, в котором сходятся указанные процессы, является постоянство процессов организации сообществ, в ходе многосторонней коммуникации образующих многочисленные институциональные объединения, которые используют для своего поддержания различные сочетания капитала и власти. Такой подход предполагает, что в объяснении социальных, политических, экономических отношений необходимо ограничить использование модели каузальной причинности, детерминизм которой не в состоянии связать события и процессы, различающиеся по форме, содержанию и участникам. Получение системного эффекта организации сообщества предполагает не причинность (в виде отдельного события, идеи, инновации), а соответствие друг другу процессов и институций, взаимное воздействие которых создает множество вариативных конфигураций отношений, поддерживающих общество в том или ином состоянии. Реализация любых действий сообщества учитывает не столько их «чистоту исполнения» или «идейное богатство», но, главным образом, соотнесенность взаимосвязей разных уровней социальных иерархий непрерывно реагирующих друг на друга пространственно размещенных сообществ.

Различные степени интенсивности и разнообразия контактов рождали разные композиции власти и капитала, фиксировавших конкретные институциональные отношения. Эти структуры представляли собой централизованные иерархии и распределенные сети территориальных и экстерриториальных сообществ. Самые примитивные объединения были иерархическими военизированными объединениями. Более развитые сообщества, контролировавшие значительную территорию, становились

бюрократическими. Экстерриториальные сообщества в виде сетей локальных иерархий вступали в разветвленную коммуникацию разных территорий, прежде всего в виде перемещения материальных средств и ресурсов. Там, где представители власти и капитала были едины во всех лицах, появлялись капиталистические территориальные образования. В ходе распространения цивилизации пространство покрывалось все более сложными формами взаимодействия и включало все большее число сообществ. Все они проходили схожие процессы, которые воздействовали на всю последовательную сеть контактов, поощряя или угнетая социальное развитие. Тенденция к построению все более обширных государств и экономическому включению все большего числа сообществ вызывала как приливы расцвета, так и регрессию отношений. Социальные институты, государства, частные и общественные объединения оставались крайне чувствительными к неравновесной политико-экономической коммуникации, динамике насилия, накопления и производства.

Континентальные, региональные и локальные системы социальной коммуникации представляли собой территориально размещенные и взаимодействующие иерархии сообществ, образуя гетерархию планетарного масштаба. Столкновение сообществ в пространстве коммуникации вызывало сдвиги в их социальных структурах. Дифференциация социально-экономических и политических отношений сообществ и их институтов сопровождает все активные коммуникации в войне и мире, способствуя их росту и трансформации. Дифференциация заключается в постоянном изменении позиций участников внутри сообщества, а равно и в изменении позиций сообществ относительно друг друга. Дробление и концентрация взаимосвязей, падение и возвышение позиций непосредственно влияют на процессы и формы организации. Расширение и уплотнение взаимосвязей ведет к созданию более обширных систем организации отношений, нивелирующих локальные различия, но способность воспользоваться этими новыми возможностями требует трансформации институциональной структуры сообществ. Новым обширным системам коммуникации, так что любой рост и расширение накладывает со временем ограничения. Рассеяние и сужение связей вызывает рост локальных различий и локальных форм организации, так что последние могут выйти на первый план при деформации больших форм. В любом случае изменение социального порядка затрагивает интересы и зависимости участников, организация которых и предопределяет конкретные формы отношений в общей системе коммуникации.

Рост социального пространства следует отличать от трансформации порядка. Возможность взрывного роста и взаимного размыкания отношений зависимости появляется вследствие доступа к пространственным и институциональным возможностям

коммуникации. Рост требует одновременного наличия рынка, взаимоприемлемого управления сообществами и капитала. Это значит, что децентрализация размыкающихся сообществ проходит одновременно с концентрацией капитала и власти среди новых участников, что удерживает динамизированную структуру от распада. Такие разнонаправленные процессы создают как периоды высокой социальной активности, так и торможение конформизма, пока их совпадение не обозначит управляемый рост. Масштабы роста и усложнения социальных связей тем больше, чем выше готовность участников приходить к консенсусу относительно своих действий и интересов. Рост предполагает увеличение и распространение коммуникативных возможностей, количественное увеличение активов. Трансформация, наоборот, предполагает изменение структуры отношений. Рост увеличивает общие социальные возможности участников, тогда как трансформация через ломку институтов расширяет возможности одних участников и сужает возможности других.³²

Трансформация связана с тем, что рост и развитие сообщества предполагают достижение институциональных пределов отношений. Такой предел свидетельствует об исчерпании социальных возможностей в рамках конкретной социальной организации. Невозможность управления трансформацией в интересах сообщества ведет к сравнительной регрессии, связанной со снижением социальной динамики. Следствием может стать деградация социальных институтов и взаимосвязи территорий. Любая трансформация институтов сообщества запускает одновременный распад множества устойчивых связей: меняются формы обращения с активами и правила взаимодействия социальных групп, меняются формы контроля и контролируемые организации. Неуправляемая трансформация (или управляемая в интересах лишь отдельной части сообщества) ведет к изменениям форм центрации отношений в пользу меньших и периферийных центров власти. Управляемая трансформация происходит путем изменения центрации в пользу расширения общего контроля и изменения роли прежних привилегированных групп, центров, отношений. Этот путь управления сообществом признает изменение и расширение социального пространства и старается включить предыдущий центр в качестве привилегированного сообщества за счет удовлетворения притязаний новых социальных групп, их организаций и институтов. Трансформация может быть вызвана логикой роста, но может быть и навязана извне, если политические и экономические возможности сообщества будут от него отчуждены. Перемены в отношениях требуют изменений «общественного договора», новой политики государственных и частных институций. Неравновесность коммуникативного

³² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. С. 127 – 147.

пространства грозит чрезмерной концентрацией активов и коммуникативных возможностей, но в случае достижения социального консенсуса ситуация может быть исправлена через их дальнейшее перераспределение, вложение в создание новых управляющих институций и включение сообществ.

Компромисс, а тем более консенсус никогда не наступали «по разумному соглашению сторон», но всегда были обусловлены патовой ситуацией в отношениях социальных групп, когда ни одна из сторон не могла односторонне навязать свои условия остальным участникам.³³ Это уравнивало их политические возможности, а наличие контактов позволяло ускорить распространение социальных связей вовне: в пространстве – в направлении других сообществ, и во времени – увеличивая количество тел и устойчивых связей. Рост (в том числе в виде экспансии) – следствие компромисса в условиях доступа к контактам и процессам коммуникации внутри и между сообществами. Это ведет к производству многочисленных отношений и стоимостей, привлекающих капитал и политическую поддержку. Способность такой структуры в любой ситуации концентрировать и распределять связи позволяет не только управлять собой, но и воздействовать на другие сообщества. Социальное включение или наоборот, принудительное исключение из пространства взаимодействия запускают внутренние изменения, которые, в зависимости от управления, могут не только изменить существующие институты, но и просто разрушить. Центрация власти и капитала может наступить естественным путем, но может быть и управляемой ради достижения целей, поставленных перед сообществами и государствами. В то же время, если компромисс представляет собой диссенсус, то фиксация политического пата, которую он производит, удовлетворяет претензии участников, но не позволяет изменить согласованную систему отношений. Участники, связанные только согласием в общих рисках, остаются разрозненными в видении целей и результатов, и статика системы диссенсуса меняется только при вмешательстве извне. Таким образом, консенсус способен привести к интеграции участников, а диссенсус – только сохранить их разрозненность.

Рост и трансформация обусловлены не наличием или отсутствием разумного понимания, солидарности и ответственности, а тем, в каких внешних и внутренних условиях политико-экономической коммуникации оказывается институциональная структура сообщества. С изменением этих условий рост активов и влияния сообщества приводит к трансформации социальной структуры. Если у сообщества нет возможностей сохранить внутреннее социальное равновесие – происходит негативная трансформация:

³³ Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового Времени. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 36 – 37.

распад государственных институций, обеднение населения, сепаратизм. Та же беда ждала обширные империи, которым было некуда расширяться. Сужение экономической коммуникации сообщества вследствие чрезмерной концентрации активов могло привести к эффекту институциональной раздробленности и подрубить его властные управляющие институты, которые с этого сообщества вжимали ренту. Обстоятельства кризиса социальной структуры открывали региональным сообществам новые возможности и осложнения в общей картографии коммуникации. Совсем другая ситуация наблюдается в том случае, если сообщество сохраняло внутреннее равновесие несмотря на усложнение социальной структуры. Достижение взаимоприемлемого равновесия в неравновесной среде порождает разные виды экспансии: успешного военного насилия и экономической экспансии. Бедные сообщества направлялись своей верхушкой преимущественно на военную экспансию. Богатые урбанизированные сообщества, чья верхушка обладала большими активами и широкими контактами, направлялись на экспансию как военную, так и экономическую.

Экспансия военного насилия требует концентрации активов; и тогда сообщество бедных сограждан или соплеменников легко встает в строй. Включение «варваров» в рыночный обмен сначала порождало иерархию, которая концентрировала активы сообщества, а затем, стремясь сохранить внутренний status quo, направляла агрессию туда, где активов было больше. Неравномерность и низкая скорость исторического процесса лишь в конце XIX в. позволили включить последние сообщества кочевников и собирателей в оседлые институты государства. Современная история отношений показывает схожую картину: эскалация организованного насилия является инструментом поддержания политической и экономической власти сообществ, которым не хватает контролируемых активов. В связи с чрезмерной концентрацией последних, поддержание контролируемого равновесия отношений нуждается в дополнительных источниках активов, и война есть самый простой, но не всегда эффективный способ поддержания как внутреннего, так и внешнего равновесия сообществ.

Экономическая экспансия помимо концентрации активов в виде капитала требует удовлетворения притязаний средней и нижней страт общества. Это внутренние условия экспансии; внешним условием является способность включить окружающие сообщества в такой тип обмена, который приносит больше выгод одной стороне, нежели другой. Способность сообщества ограничить коммуникативные возможности своих соседей во время экспансии усиливает ее положительные результаты для этого сообщества и отрицательные – для остальных. Следствием становится появление конкурентного рынка, защищенных профессиональных групп, диверсифицированных взаимосвязей и

комфортной степени мобильности социальных контактов. Экономическая экспансия взыскует союза сообщества, государства и капитала, причем в достаточных объемах. Поодиночке, ни капитал, ни власть, ни любая форма организации сообщества эффекта экспансии не дадут. Государству нужно активно взаимодействующее, производящее сообщество, а капиталу доступ к процессам обмена, агрегирующим наибольшие объемы стоимостей и разветвленную логику операций.

Увеличение активов и политического влияния верхушки могут идти параллельно с ростом богатства и политического участия остальных участников – следствием будет экспансия и возвышение сообщества. Но этот же процесс обогащения верхушки может идти за счет остальных участников, подавляя их экономические и политические возможности. Здесь следствием будет «пир во время чумы» и необъяснимая деградация сообщества при внешнем блеске высшей страты. Проблема в том, что бесконечная экспансия в конечных институциональных структурах невозможна, как невозможно иерархическое подчинение всех сообществ интересам и воле отдельных участников. Рост и экспансия непосредственно связаны с возможностью трансформации институциональной структуры в ответ на расширение и уплотнение взаимосвязей сообществ в процессе коммуникации. Вхождение сообщества в более обширную систему отношений размыкает локальные социальные связи, что обеспечивает динамику отношений, завершаясь агрегированием активов верхушкой и достижением пределов роста. Способность сообщества найти компромисс и сделать порядок отношений взаимоприемлемым обеспечивает создание новой институциональной структуры, которая готова продолжить рост и обеспечить экспансию. Затем, по достижению пределов роста, следует повторное размыкание локальных связей расширенной системой отношений и агрегирование активов верхушкой. Если сообщество готово перестроить свою институциональную структуру, опять наступает период роста и экспансии; в случае невозможности дальнейшей экспансии – распад государственных институций и/или общий регресс взаимосвязей сообщества и сужение его влияния.

Дифференциация сообществ и трансформация социальной структуры вызывали стремительный рост, не менее стремительный закат и долгие периоды застоя сообществ. Рост больших объемов капитала, организационных политических и экономических возможностей требует периодического изменения институциональных структур сообщества. Как известно, безмятежно еще ни один такой процесс не прошел. Проблема заключалась (и заключается до сих пор) в том, каким образом осуществлять управляемую трансформацию, с учетом изменений в организации пространства коммуникации. Трансформация приводит не только к развитию, обогащению одних сообществ, но и к

регрессу, обеднению других, то есть, к пространственным перемещениям социальной активности. Создание в ходе трансформации нового социального пространства и композиция его организационных возможностей требуют адекватных ситуации форм социального включения для всех социальных групп и их институций. Один уровень этого процесса предполагает расширение централизованно контролируемых территорий, пространственное перемещение активов и взаимосвязей. Другой уровень предполагает изменение отношений зависимости социальных групп, их профессиональных занятий, образования и доходов.

Замкнутость большинства сообществ, отсутствие централизованного администрирования ввиду тощего рынка, трудности социальных изменений в интересах капитала делали вовлечение друг друга во взаимную коммуникацию затруднительной: наиболее распространенными средствами концентрации богатства и власти оставались насилие и государственный грабеж. Но насилие никогда не было достаточным для устойчивого управления. Такая форма внешней политики разрушала устоявшиеся сети отношений, но распространяла рыночный обмен, активы и стоимости среди включаемых сообществ. По обыкновению, завоевание вело к перемещению активов и обогащению небольшого числа лиц. Дальнейшее разрастание богатства на подконтрольной территории требовало поддержания экономики совместного обмена и производства, урбанизации и оформления управляющих институций. Появление «миров-империй» было обусловлено созданием общего «мира-экономики».³⁴ Вырастая на банальном грабеже, империи затем каждый раз фиксировали применение насилия и общих правил взаимодействия. Другими словами: *imperiū* был дан войной, чтобы войн больше не вести. Это значит, что задача империи как государственного образования – способствовать росту и развитию социального пространства на территориях управляемых сообществ, что, однако, достигалось не везде и лишь на время.

В силу неравномерности коммуникации большинство исторических и современных сообществ предпочли социальные режимы с рынком, концентрированными активами и автократической властью. Рыночный обмен охотно допускался, но доступ к власти и богатству строго ограничивался, независимо от того, кто находился у власти, аристократы или торговцы. Монополизация власти, а с ним и частного богатства оказалась более легким предприятием, нежели разведение обширной сети взаимодействий и накопление в ней множества частных капиталов. То есть, такие торговые и производственные сети были, но включали ограниченное число людей, которые мало влияли на принятие политических решений. Там же, где такая возможность имелась, наиболее доходные и

³⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 24.

влиятельные позиции занимались ограниченным кругом лиц, а конкуренция сводилась на нет. Противовесом процессам дифференциации стали централизаторские тенденции, которые реализовывались через территориальное расширение и попытки тотализации общества. Первый путь предполагает максимизацию контролируемой территории с проживающими на ней людьми, тогда как второй – статичность институциональной структуры сообщества.

Исторически децентрализованная система коммуникации поддерживалась за счет иерархий и сетей торговцев и производителей, по отношению к которым властные институты оставались внешними. В силу этого капитал, его институты и организации не владели властью, наоборот, централизованная власть пользовалась капиталом и одновременно доминировала над частной собственностью. Централизация институционального администрирования и общих активов в руках государства была одним из главных инструментов управления сообществами. При капитализме эти действия деловых и политических организаций становятся конвергентными, а экономический рост и концентрация капитала позволяют увеличивать влияние и власть. Частный характер капитализма и его современный почти повсеместный контроль над государством способствовал росту централизованных институтов при недостатке реальной власти над действиями капиталистических организаций. Благодаря этому власть не становится заложником статичной тотализованной структуры, а капиталистические и властные объединения могут варьировать управляемые территории и используемые институты. Капиталисты могут поступаться государственным интересом перед частным не в силу роста индивидуальной свободы (такого рода интересы и свобода прослеживаются на протяжении всей истории), а в силу внешней и внутренней зависимости сообществ от капиталистических отношений и соответствующих институциональных объединений.

Современное общество более устойчиво поддерживает свою открытость, чем удавалось древним, но создание новых институциональных композиций и достижение пределов роста все так же реализует алгоритм перехода разомкнутого и замкнутого состояний, вызывающий циклы политико-экономического взаимодействия сообществ и смены институций. С расширением и уплотнением связей цивилизации шла борьба и эволюция традиционных и капиталистических сообществ, как друг с другом, так и с динамикой отношений, в результате чего было создано общество управляемых изменений, известное под названием «модернити».³⁵ Каким бы новым оно ни казалось, у этого процесса прослеживается весьма долгая история, и как бы ни росла его рефлексивность, способности разума к пониманию остаются ограниченными. Убывание варварской

³⁵ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, Polity Press, 1996. P. 36 – 39.

периферии и рост взаимосвязей в мировой политико-экономической системе изменили реакцию сообществ на пределы роста. Периодические спады и кратковременность взлетов теперь ведут не к долгой регрессии и замыканию отношений, а к изменению институциональной структуры сообществ. Поддерживаемый централизованный, по факту, хотя и не всегда по форме, характер организации властных отношений капитала придал дифференцированным процессам устойчивости, что способствовало безостановочной модернизации всех вовлекаемых сообществ, даже если их чисто экономические результаты приносили убытки. Благодаря этому переход богатства и власти от одного капиталистического сообщества к другому не влечет за собой потерю контроля над мировой экономикой и мировой политикой со стороны капитала, хотя вся мировая система коммуникации (и локальные сообщества в том числе) сообществ меняет свои институты организации.

Еще ни одно сообщество не смогло оседлать процесс изменений, и вынужденно было, поднявшись на волне объективных процессов, необратимо приходить в упадок, уступая свои позиции новым участникам. Между тем, по крайней мере, абстрактно, такая возможность имеется и заключается она во взаимном включении территорий и сообществ, интеграции их политических и экономических институтов и организаций. Такой ход событий возможен в том случае, если включаемые сообщества будут становиться не колониями, но смогут претендовать на приемлемую долю капитала и власти, а все участники будут способны поделиться в пользу общего институционального объединения. Отношения «центр-периферия» и неравенство территорий и сообществ неизбежны, в связи с чем необходимо уметь изменять их институциональные структуры. Использование колониальной политики дает кратковременный эффект возрастания богатства и влияния, но этот эффект не носит устойчивого характера, так как колонизируемые сообщества не становятся заинтересованными во включении. В результате, достижение пределов роста разрушает неравное институциональное образование, и сообщества оказываются не в состоянии трансформировать свои отношения в сторону создания более обширных и могущественных объединений.

Напротив, взаимный доступ включаемых сообществ к власти и капиталу поддерживает между ними отношения политического патата и, как следствие, состояние разомкнутости. Разомкнутость, позволяющая создать мощный рост и оправдать процесс болезненных изменений, вовсе не означает хаотичную мобильность: любая социальная организация для того и создается, чтобы мобильность была не хаотичной, а упорядоченной. Это предполагает, что притязания всех трех основных социальных групп, присутствующих в виде рассеянных локальных сообществ, достаточно защищены

относительно друг друга, и участники вынуждены принимать решения путем компромисса. Тогда сообщества с их различными интересами будут включены в процесс интеграции, а взаимная конкуренция сопоставимых участников (с их капиталом и властью) воспрепятствует чрезмерно быстрой концентрации активов. Благодаря этому, трансформируя институциональные структуры отношений, они могут расширять совместные пространства коммуникации и управлять ими. Таким образом, изменяемая институциональная структура приобретает устойчивость, что положительно сказывается на увеличении капитала и власти. Однако условие соблюдения политического пата и является здесь основным препятствием, ибо сильнейшие участники никогда не идут на уступки, если только не бывают к тому принуждены безвыходной ситуацией.

4. Публикации результатов НИР

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к выполнению этапов НИР, за отчетный период результаты НИР по теме «Концепция дифференциальной социальности» были опубликованы в научном журнале «Известия Уральского государственного университета», 2011. № 2 (91). Серия 3. Общественные науки. С. 27 – 40.

Заключение

Разработка гетерологических моделей общества требует синтеза множества описаний социальности, поскольку множественен и разнороден сам объект изучения. Существование людей, формой которого является общество, поддерживается гетерогенными процессами коммуникации. Различия социальных процессов не влияют на онтологическую возможность коммуникации, так как являются проявлением существования, состоящим из разнообразных гетерогенных содержаний. Для более полного и адекватного описания социальных процессов необходим междисциплинарный синтез социально-гуманитарных наук на основе дифференциальной онтологии общества различия. Это требует отказа от региональных моделей общества, представляемых в качестве образцов в каждой отдельной науке. Синтез осуществляется при помощи использования гетерологической методологии и модели дифференциальной социальности. При описании общества отдельные содержания социальных наук с необходимостью должны опираться на данные смежных областей знания, интегрируемых посредством гетерологической матрицы познания.

Такой междисциплинарный поворот позволит заимствовать модели и концепции из разных наук, а общая методология обеспечит их адекватное сопряжение. Одним из

важнейших условий синтезирования социальных наук является возможность верификации, или проверка теоретических данных с помощью эмпирического анализа социальных процессов. Данное условие будет способствовать повышению качества теории практических дисциплин и позволит фундаментальным теоретическим исследованиям обрести большую практическую значимость. Данное построение модели общества различия должно производиться на основе совмещения онтологической модели общества различия (чьи отношения носят дифференциальный характер и имеют гетерархическую структуру) и моделей общества, практических данных социально-гуманитарных наук.

Список литературы

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. – М.: Территория будущего, 2006.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. – М.: Весь Мир, 2007.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001.
5. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2008 г.
6. Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников //"Природа", 1972, № 4.
7. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. – М.: АСТ, 2009 г.
8. Кемеров В. Е., Коновалова Н. П. Восток и Запад: судьба диалога. Исследования, хрестоматия, комментарий. — Екатеринбург, 1999.
9. Клименко В.В. Климат и история //"Восток", 2000, №1.
10. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002.
11. Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового Времени. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
12. Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. — Ленинград: Гидрометеиздат, 1971.

13. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI – XX веках. - М.: Территория будущего, 2008.
14. Малков С. Ю., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. История и математика: макроисторическая динамика общества и государства – М.: КомКнига/URSS, 2007.
15. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. – М.: Международные отношения, 1989.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, - М.: Госполитиздат, 1955 г. тт. 10, 11.
17. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Издательство Института Гайдара. 2011.
18. Поланьи К. Великая трансформация. – СПб.: Алетейя, 2002.
19. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011.
20. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: Институт археологии РАН, 2000.
21. Черных Е.Н. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции//Античная балканистика. М., 1987
22. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009.
23. Bobbio N. Thomas Hobbes and the natural law tradition. The University of Chicago Press, Chicago. 1993.
24. Frank A.G., Gills B. K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? Routledge, 1996.
25. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, Polity Press, 1996.
26. Goldstein J. S. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven: Yale University Press, 1988.
27. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. University of California Press, 1993.
28. Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers, New York: Vintage Books, 1987.